

МЭЙ ФЭН

Бодхисаттва

КИТАЙСКАЯ СКАЗКА О ЛЮБВИ

Мэй Фэн

Бодхисаттва. Китайская сказка о любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22366667
ISBN 9785448355837*

Аннотация

История, принесенная горячими ветрами пустынь... Каждая мысль, каждое слово, каждый поступок может стать началом цепи событий, которые, словно бусинки, будут нанизаны на нить времени. Тема плетения красной нитью бежит по страницам книги, которую по воле Судьбы или же по стечению обстоятельств Вы держите в руках. Сколько всего должно было случиться, чтобы эту историю, наконец, узнали и Вы?

Содержание

Глава I Река Ихэ

6

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Бодхисаттва

Китайская сказка о любви

Мэй Фэн

Танцуй – когда разрублен!

Танцуй – сорвав битвы!

Танцуй – когда погублен!

Танцуй – свободен ты!

Танцуй – среди шумной битвы!

Танцуй – в тиши ночной!

Танцуй – и в час молитвы!

Танцуй – любимый мой!

Руми

Путь праведного поведения означает отсутствие умственных колебаний и изменений. Где бы вы ни находились, сохраняйте умственный покой и ни к чему не стремитесь. Подобно каменному утесу, даже в самую страшную бурю оставайтесь непреклонны. Отбросив все эгоистические мысли и чувства, спасайте всех, помогая перебраться на другой берег. Нет рожденья, нет признаков, нет привязанности, нет отречения: в уме бодхисаттвы нет движения внутрь и наружу. Когда этот ум, не знающий движения наружу или внутрь, вступает туда, куда

никогда нельзя войти, то это и есть вступление.

Бодхидхарма

Мы сами часто не знаем, под каким именно влиянием находимся, не замечаем, как постепенно меняемся, какие метаморфозы происходят с нашими энергиями и привязанностями. Утверждение квантовой физики о том, что если какие-то частицы были когда-то связаны между собой, даже если впоследствии они находятся на разных концах Вселенной, изменения, происходящие с одной частицей, неотвратимо повлекут преобразование другой частицы.

Неизвестный источник

© Мэй Фэн, 2017

ISBN 978-5-4483-5583-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I Река Ихэ

Я шел за ней следом переулками, теряя порой в толпе, вечно спешащей по иллюзорно-важным вопросам. Иногда она была непредсказуема: меняла направление, вспомнив о чем-то; останавливалась, чтобы подтянуть сползший подследник под ее черной лаковой туфлей. Порой, даже очень часто, прохожие останавливали ее со своими вечными как мир вопросами – как пройти, проехать, долететь; или же она замедляла шаг возле аптек и кондитерских, чтобы найти телефон на дне своей зеленой маленькой сумочки и ответить на звонок назойливого звонителя.

Надеюсь, Вы, начитавшись Фаулза¹, еще не решили, что я маньяк. Это далеко не так. Как раз наоборот: столько раз я спасал ее, помогая ее ангелу-хранителю и рискуя раскрыть себя. Как-то она стояла на трамвайных путях и жевала булочку. Задумавшись о чем-то, она не услышала сигнала трамвая, тут-то мне и пришлось отдернуть ее назад. Она была испугана, поэтому я уверен, что даже не запомнила моего лица.

Я знаю, о чем она тогда думала. Наверняка, о мужчине. От них столько хлопот, больше, чем от ее собственных душевных метаний, и даже больше, чем от бесконечных по-

---

¹ Джон Роберт Фаулз – английский писатель, романист и эссеист. Один из выдающихся представителей постмодернизма в литературе. В данном случае имеется в виду роман Фаулза «Коллекционер».

дружек с их бесконечными проблемами. Сколько времени мы потратили на эти влюбленности, сколько душевных сил! Именно поэтому я не любил всех ее поклонников и пытался всячески оградить ее от этой напасти, чтобы, как и прежде, идти позади нее, видя, как легка ее походка, определяя по выражениям лиц людей, идущих ей навстречу, счастлива она или нет.

Иногда мне нужно было, чтобы она пошла в одну или в другую сторону, встретила с теми или иными людьми. Очень трудно контролировать бурный поток жизни. Я то мелькал в темных переулках в светлой одежде, привлекая ее внимание, то незаметно подсовывал в магазинах книги с нужной информацией. Так, постепенно моя техника и мастерство начали развиваться и совершенствоваться.

Труднее всего было направить ее куда-либо, когда она была погружена в свои мысли, беспокоилась о будущем, планировала или переживала. В такие периоды она вовсе не замечала всего, что происходило во внешнем мире.

Расскажу немного и о себе. Я лет до восемнадцати читал сказки, чего очень стеснялся. Примеряя на себя самые различные архетипы, я узнавал все больше преданий и легенд. Греческие смешались со славянскими, затем к ним добавились египетские, индийские и китайские. Я все время подозревал себя в недостатке знаний и глубины. Как алчному черному археологу, мне хотелось верить, что нужно копать дальше, ближе к недрам земли, направляясь сразу в две сто-

роны – в большой и интересный мир и в свою собственную душу.

Вскоре я заметил, что во всех мифологиях встречается идея ткачества: обладательница прекрасного имени – Ариадна со своим клубком, моя любимая Афина Паллада, желавшая быть первой среди всех земных ткачих, жук-скарабей из Древнего Египта, китайский старик Лао Юе, носивший за спиной мешок с красными нитями, связывающими судьбы людей. Так, тема плетения стала все больше меня занимать, метафоричность тонкой нити поражала своей многоохватностью и мистичностью. Лейтмотив плетения также переплетался, простите за забавную тавтологию, с другими аспектами скорее метафизической, чем насущной жизни, например, с шелковой тонкостью наших чувств, мыслей, мимолетных желаний. Все невесомо, и можно сдуть, как сладкую солнечную пыльцу с цветка боярышника, в то же время все тонко и прочно, как сияющая на солнце шелковая нить из закромов китайской цивилизации.

Метафоры, возникающие в моем сознании, переплетались с архетипами сказок или случайно пойманными образами, бытующими в нашем разношерстном обществе. В моей голове было и колесо Сансары Буддизма, и карта Таро «Изменения», изображающая это же самое или какое-то другое колесо, узоры в виде креста в круге на воротах христианских храмов – все они, вероятно, не совсем гармонично перекликались с образами собственного производства. Напри-

мер, жизнь мне представлялась как стиральная машина, которая крутит, засыпает, отжимает и выжимает людей, а затем снова крутит.

В битком набитых вагонах метро, в засыпающих автобусах я больше всего любил отыскивать эти нити, эти связи. Точно рассыпанные бусинки, я собирал их на запылившихся складах своей памяти и одну за другой надевал на тонкую нитку, словно играя в бисер вместе с Германом Гессе².

Некоторые цепочки событий были поразительны: словно Судьба, отложив все свои, без сомнения, важные дела, села и, вооружившись лупой, проделала ювелирную работу по соединению событий и людей. Возможно, я замечал удивительные совпадения, потому что в эти периоды своей жизни не беспокоился ни о чем, не искал суматошно, не бежал, а просто жил настоящим, растворяясь в бытие «здесь» и «сейчас». Мысли, энергетика мест, слова людей, встречи и расставания – все они не случайны, но для чего они, зачем?

Я знаю, что и она тоже часто задавалась этим вопросом и размышляла о нитях Судьбы. Вот ее записи, которые я храню на одной из полок своей библиотеки и перечитываю осенними вечерами, сидя с чашечкой горячего чая за своим дубовым столом. Да, стиль сумбурный, но сумбур – тоже стиль.

Порой я пытаюсь вспомнить, думала ли я о Китае в дет-

---

² Герман Гессе – немецкий писатель и художник. В данном случае имеется в виду роман Г. Гессе «Игра в бисер».

стве, что знала о нем, где и от кого слышала. Меня, как и многих моих сверстниц, всегда больше манила Европа с ее замками, круассанами, принцами и белыми конями. Помню, как-то мы гадали на Троицу, я была тогда еще совсем девчушкой. В жаркий июньский полдень мы пришли на почти полностью затянувшуюся ряской канаву, нарвали цветов, сплели огромные душистые венки и бросили их в воду: куда поплывет венок, там и суженный твой. Тогда я просила свой веночек: «Милый, плыви на запад, туда-туда, где солнышко заходит, только не на восток, не в Азию».

Но от Судьбы не уйдешь, и через несколько лет, когда к нам в университет приехала делегация из Китая, я, листая буклет с описанием китайского университета, подумала: «Здорово было бы там учиться. Такие прекрасные тополиные аллеи! Настоящий сад!». Кто же мог предположить, что не пройдет и двух лет, как я буду бродить по картинке из буклета. Неужели в этом и кроется разгадка всех методик исполнения желаний? Чистая, тонкая, как шелковая нить, мысль – узелок, который завязан в самом сердце, будет основой расписного ковра будущей жизни, и ниточки от него разбегутся в разные стороны. В тот день профессор рассказывал о провинции, где располагался университет, об этой древней земле, родине многих мыслителей, военачальников, каллиграфов, поэтов и художников. Все это представлялось землей обетованной, в которую мне суждено было однажды отправиться.

Этот город...

Я всем сердцем привязалась к нему. Если сравнивать город с телом человека, то центр города – его сердце, защищают стены – ребра. А университет можно назвать печенью, не менее важным органом, с точки зрения древних китайцев, считающих печень вместилищем души. Вокруг городской стены вырыты каналы с мутной азиатской водой. Даже здесь прослеживаются следы философии, так глубоко повлиявшей на все стороны жизни китайцев: если мощные грубые стены представляют собой суровость и силу мужской энергии Ян, то тонкие нежные ивы по берегам канала – само воплощение женственной и чарующей Инь, послушной, но в то же время своенравной. Все здесь пребывает в гармонии и равновесии.

Люблю проходить сквозь старые ворота из серого кирпича, вдыхать запах кипарисов, со скрученными, словно выжатая одежда стволами. Внутри стен кипит жизнь – туристы, торговцы, рикши, повозки, лошади, машины, велосипедисты, пешеходы, студенты.

Однако больше всего город зовет к себе вечером, когда чья-то рука набрасывает на землю покрывало, прячущее лицо земли от солнца. Звуки и запахи становятся четче, ярче, насыщеннее. Повышается чувствительность ко всему. Я вижу крыши дворцов и залов за стеной. Резные фигурки, словно скатившись с покатых китайских крыш, остановились на самом конце карниза. Вдруг вспорхнут две белые

птицы с большими крыльями, горделиво и непринужденно перелетят в другую часть сада. Обладателям мифологического мировоззрения, конечно, сразу придет в голову мысль, что это дух Конфуция, перевоплотившийся в птицу. Конфуций жил в этих местах, это его родина. Не знаю, связана ли необычность этого места с великим учителем китайского народа.

И вот я в университете. Это целый город-сад, маленькая вселенная, спрятанная от всего мира: словно нас накрыли плотной крышкой, чтобы оградить от иногда опасной окружающей действительности. Именно в кампусе я поняла, почему китайцы предпочитали жить в изоляции на протяжении многих веков. Жизнь текла неторопливо и радостно, не с кем было конкурировать, некому доказывать свою силу, не было надобности бороться с катаклизмами – сильным холодом или невыносимой жарой. Одним словом, и так все было хорошо.

Китайские университеты – живая недолговечная утопия. Говорят ли учителя студентам о существовании мира извне? Преподаватели провели всю жизнь в университете и могут только поделиться своими знаниями и умениями, также приобретенными ими когда-то в этих стенах. Поэтому безмятежный университетский мир кажется его немного наивным обитателям самой настоящей реальностью.

Вечерние толпы возле восточных ворот. Колоритам местного маленького рынка позавидовала бы палитра любого ху-

дожника. Чего здесь только нет: носки в радужку, удивительно дешевые часы с сияющими стразами, браслеты, сережки и вдруг неожиданно парящая жаром лапша – отсюда уже начинаются кафе. Собачка, чуть не набежавшая на велосипедиста, женщина, всплескивающая воду прямо на тротуар, запах запеченной баранины под светлое пиво из грязных стаканов и снова бусики и вдруг целая толпа у одной из машин: распродажа блокнотов, их столько, что становится жаль загубленные на бумагу деревья.

Возможно, университетское время – самое счастливое для большинства из тех, кто полон надежд на блестящее будущее. Кто-то из них, вырвавшись в большой мир, осуществит свои мечты. Но, убедившись в том, что родные им гордятся и успех уже в кармане, задумается, счастлив ли по-настоящему. А кто-то, проигравший и смирившийся со своей судьбой, перелистывая высказывания Лао-цзы³, будет счастлив с любимой семьей в родном городе и совсем без фотографий из далекого Нью-Йорка.

***

Жизнь даже в таком небольшом городе, как наш, кипела. Нью-Йоркской торговой бирже было не сравниться с малень-

---

³ Лао-цзы – древнекитайский философ VI—V веков до н. э., которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин».

ким городком по накалу страстей, скорости передачи информации, подвижной, горячей атмосфере тесных рынков, оживленных улиц, парков, которые вряд ли можно назвать уединенными. Именно по этим местам я гоняла на своем лихом велосипеде без тормозов. Его подарила мне преподавательница факультета русского языка – Хань Минсюй, которая была буддисткой и невероятно доброй женщиной с единственным лишь изъяном – она не умела никому отказывать. Веря в силу Буддизма и в добрые помыслы Хань Минсюй, я смело летала по городку без тормозов, при необходимости просто спрыгивая с велосипеда.

Вскоре после меня в университет приехали девочки: Олеся, Тамара и Кристина, которую мы звали просто «Кри». Звуки колесиков от чемоданов, набитых шоколадом, водкой и икрой, припасенных для подарков, громкие голоса и смех за несколько секунд оживили уснувшее на время летних каникул общежитие. Все мы были очень разными, но нас объединяла любовь к Китаю, даже несмотря на то, что мы знали его теневую сторону, тщательно спрятанную от туристов. Девочки вычистили свои комнаты, запыхавшиеся за лето, запаслись на небольшом рынке всем необходимым в быту. Не прошло и двух дней, как полки были заставлены самыми разнообразными бутылочками, духами, кремами, и интерьер больше напоминал лабораторию алхимика, нежели современную комнату. Пестрые пятна фотографий с красивыми пейзажами, любимыми актерами, машинами мечты развесе-

лили белоснежные стены. Мой стол отличался еще и тем, что я купила рыбку и назвала ее Цзыхуаном, в честь мальчика, который тогда мне нравился. Попав на мой небольшой стол, Цзыхуан огляделся по сторонам, изучил названия всех словарей и учебных пособий, после чего отправился почитать в заросли водорослей.

Наконец, начались наши трудовые будни... Утром и днем мы были на занятиях, а после обеда все, кроме домоседов, смотревших пробивающие на слезу корейские сериалы, разъезжались по своим делам. Вечером по традиции мы собирались на втором этаже за столом, располагавшемся у окна возле лестницы, и обсуждали все самое интересное, точнее самое смешное или возмутительное, произошедшее за день.

Кроме нас, учились и студенты из других стран. В моей группе я была единственной представительницей европейской цивилизации, помимо меня гранит китайской науки грызли восемь корейских девушек и один японец. Прекрасно воспитанные азиаты относились ко мне с излишней почтительностью и легким любопытством.

Хотя мы проходили сравнительную лингвистику, использование средств коммуникации в процессе обучения, китайскую культуру, все в конечном итоге сводилось к обсуждению отношений между людьми, особенно дел сердечных. Меня, с моим все-таки европейским складом ума хоть и с азиатской душой, удивляло необыкновенное внимание азиат к чужой личной жизни, к первым свиданиям, свадьбам,

изменам и разлукам. Даже примеры грамматических конструкций, сочинения, домашние творческие задания были связаны с этой темой. Как-то на занятии я предложила: «Может, поговорим про экономику, политику, независимость Синьцзяна», – про себя добавив: «...только не про девушку Лицзайсона...». Но со своим «странным» требованием оказалась в абсолютном меньшинстве. Мои азиатские друзья с особым благоговением и интересом относились к теме чувств и переживаний. Возможно, для них более важным является внутренний мир, а отношения с другими людьми служат основой жизни. Однажды на уроке нам дали задание найти слово-ассоциацию со словом «любовь». Студенты перечисляли: «счастье», «жертвенность», «взгляд», но больше всего мне запомнилось устойчивое выражение из китайского языка «любовь – это сладкое-кислое-соленое-горькое-острое».

Не смотря ни на что, учиться мы все же не забывали. Китайский достаточно сложный язык, однако главное – это интерес к людям, культуре и традициям. Однажды я услышала такую шутку: старого профессора-китаиста спросили: «Профессор, китайский – трудный язык?». На что он ответил: «Знаете, тяжело только первые двадцать лет обучения, а потом становится гораздо легче». Как бы студент хорошо не говорил, он непременно каждый день будет узнавать что-то новое. Некоторые фразы и слова несут в себе несколько значений, понятных только китайцу или человеку, знакомо-

му с культурой и историей страны. Так, китайцы при встрече обычно говорят не привычное для нас «как дела?», а спрашивают: «ты уже поела?». Я удивлялась: «Как можно придавать такое значение материальным благам, в частности, так много думать о своем желудке!». Но потом я узнала, что давным-давно, еще до эпохи Тан⁴, в Китае были голодные времена, и люди при встрече, прежде всего, интересовались, сыт ли собеседник. Оттуда и пошел удивляющий европейцев вопрос: «Ни чши фань лэ ма⁵?». Поэтому при изучении иностранного языка необходимо постоянно пребывать в «состоянии осознанности», как говорят буддисты, то есть осмыслять новую информацию, пропускать через себя, думать, почему носители языка говорят так, а не иначе.

***

С каждым днем Китай все больше очаровывал меня своей сказочностью, которую он смог сохранить за долгую историю. Древние легенды, предания, стихи не были спрятаны в закромах общей национальной памяти и оживали посреди обыденности. Чуть ли не в каждой жизненной ситуации мои друзья-китайцы могли припомнить древнюю мудрость или старую легенду, подходящую к данному моменту.

Однажды мы с Янлэй, моей одноклассницей по игре

---

⁴ Династия Тан – 18 июня 618 г. – 4 июня 907 г.

⁵ «Ты поел?».

на гуджэне⁶, поехали в парк запускать воздушного змея. Она, рассказывая о взглядах своих родителей на воспитание, привела в пример такую метафору: «Дочь или сын, как вот этот воздушный змей, изобретение древних китайцев, – будешь натягивать веревку, он далеко не улетит, а если обрежешь ее, то он может подняться очень высоко». Не успела закончиться одна легенда, как началась другая: «В реке Ихэ, возле которой располагается этот парк, любил мыться Конфуций. Как-то он спросил учеников, к чему нужно стремиться. Один ответил – к деньгам, другой – к карьере чиновника, но ответ его любимого ученика Ен Хуйя был самым мудрым: «Достаточно каждый день, как и прежде, мыться в этой реке, радоваться новому дню».

Однажды, когда я была чем-то подавлена и грустила, другая китайка рассказала мне следующую историю: «У женщины было две дочери: одна торговала зонтиками, другая – обувью. Летом женщина расстраивалась, что никто не покупает обувь, зимой сетовала на то, что никому не нужны зонтики. Тогда один мудрец посоветовал ей: «Не лучше ли тебе зимой радоваться за дочь, которая продает обувь, а летом – за дочь, которая продает зонтики». Так, я ходила лабиринтами старых легенд и таинственных историй.

Если Вы не возражаете, пожалуйста, оставим ее размышления по поводу судьбы китайского народа и посмотрим, с че-

---

⁶ Древний щипковый музыкальный инструмент.

го же началась история. Вернее, с чего началось продолжение одной давнишней истории.

В один из понедельников Джоу лаоши⁷, наша любимая преподавательница, которую некоторые студенты за ее активность, живость и подвижность прозвали «буйной», сообщила, что после обеда мы сможем выбрать спецкурсы по китайской культуре, которые хотели бы посещать в свободное время.

В два часа все собрались на втором этаже, где нас уже поджидали китайские студенты из различных обществ по интересам. Так как я записываться никуда не собиралась, будучи уже занятой китайской живописью, музыкой и поэзией, то просто-напросто бегала между тех или иных в кружок собравшихся людей, чтобы помочь новоприехавшим студентам в общении с китайцами. Через час интенсивных переводов я начала уставать от мелькания людей, вопросов и слов. Вдруг мой взгляд перехватил дружелюбный, располагающий к себе взгляд невысокого китайца, стоящего в противоположном углу кабинета. Заметив, что я обратила на него внимание, он махнул мне рукой и крикнул среди шума комнаты: «Привет, Мэй!». «О, эта старая история, снова я не помню, где с ним познакомилась!». Молодой человек так смотрел на меня, точно ожидал, что я подойду, что я и сделала.

– Уже записалась к нам на каллиграфию? – тут же спро-

---

⁷ Лаоши – «учитель» (кит.).

сил он.

– Да, вроде бы.

– Ты сегодня прямо нарасхват, – по-доброму и немного смущаясь, заметил он, не переставая улыбаться, – не помнишь, конечно, как меня зовут. «Шэнли», пишется так же как «победа». Я из общества каллиграфии «Ланьтин⁸» – «Беседка орхидей», мы несколько дней назад познакомились на площади напротив супермаркета.

– Я помню, что ты Шэнли, – умело соврала я, поверив в свою ложь, как советуют тренеры по саморазвитию. Между тем, сзади раздался голос Кри: «Мэ-э-эй, я не понимаю, а он кричит. Неужели трудно сообразить, что я не глухая, а просто не понимаю, и говорить нужно медленнее, а не громче. Выучи вначале путунхуа⁹, парень, это точно диалект!».

– Извини, – обратилась я к своему собеседнику с именем «победа», надо помочь подруге.

– Конечно, приходи к нам на каллиграфию.

– Спасибо.

Пролистаем несколько страниц вперед.

Дни, расчерченные четким распорядком, летели невероятно быстро. После холодной, зябкой зимы на нас неужи-

---

⁸ Поэтическая антология, составленная знаменитым каллиграфом Ван Сичжи (IV в.).

⁹ Официальный язык в Китайской Народной Республике.

данно обрушилась весна. Воздух был пропитан ею, и, когда дождь пробежал по земле, повсюду стоял тот самый аромат, который можно почувствовать только весной. Запах дождя и едва начинающих распускаться цветов казался метафизическим: он словно связывал нас с чем-то невидимым, что можно лишь почувствовать, но не понять умом, не увидеть глазами. В такие моменты дверь в иные миры приоткрывается, и они становятся ближе, граница делается тонко-хрустальной, так, что и сама душа трепещет, как стеклышко. Все вместе с тобой замирает в ожидании, в предвкушении. Кажется, что Вселенная перетасовала надоевшую колоду с замасленными картами – и все смешалось: прошлое, будущее, надежды, воспоминания былых ощущений. Все замерло. На мгновение. Но сколько длится это мгновение, никто не знает.

На кануне Восьмого марта профессор русского языка Чжу лаоши, известный как Степан Степанович, пригласил всех русских студентов на ужин.

Ох уж эти китайские застолья! Для человека неподготовленного они, несомненно, являются испытанием на стойкость и силу духа. Китайцы едят очень медленно, но дело вовсе не в палочках. Во время трапезы ведется непринужденная беседа, разбавленная шутками и бесконечным угощением друг друга: «Я хочу выпить с господином Ляном. А теперь выпьем с господином Ли, не забыть бы и про господина Чэня!». Проявлением высшей степени заботы и внимания

будет ваше «ухаживание» за соседом по столу, которое заключается в том, что вы должны подкладывать еду к нему в тарелку, подливать в его кружку чай, а в бокал – пиво, одним словом, следить за тем, чтобы ваш сосед был сытым и довольным, и, разумеется, пьяным. По крайней мере, пьянее вас.

К тому времени я прошла уже не через одно застолье и была матерым «едоком», знала немалую часть всего церемониала, а также множество уловок, которые можно было бы озаглавить: «Как выжить во время китайских посиделок?». Например, все китайские девушки, не желавшие пить, говорили, что у них аллергия на алкоголь, и если они выпьют хоть каплю, то умрут прямо перед вами, перед этим покрывшись какой-нибудь жуткой сыпью. Китайскую душистую водку пить я не могла – горло невыносимо обжигали пятьдесят шесть градусов ароматного напитка. Китайское пиво слабее русского, его можно пить, как воду, но это отнюдь не означает, что от него не пьянеют.

Профессор Чжу заявил, что никто не выйдет из-за обеденного стола, пока не будут опустошены все бутылки с циндаосским пивом¹⁰, которое он как представитель провинции Шаньдун не намерен выливать. Поняв, что эта задача для нас непосильна, мы придумали план, а когда профессор вышел в уборную, началось воплощение хитроумного замысла

---

¹⁰ Пиво из города Циндао, расположенного в провинции Шаньдун, известно во всем Китае.

в жизнь. Это было настоящее сумасшествие – мы разливали пиво по всем блюдам, находившимся на круглом стеклянном столе. Так, рыба в кисло-сладком соусе стала рыбой в пиве; грибы, посыпанные кунжутом, превратились в грибы, политые пивом, у супа также появился пивной привкус. Профессор вернулся и, увидев, как лихо мы справляемся с пивом, заявил, что русские его не разочаровали. На вопрос, не заказать ли еще, все хором закричали: «Нет».

Когда мы, наконец, все-таки вышли на улицу, небо стало совсем темным. Все отправились на факультет русского языка, где профессор обещал рассказать нам о Фэншуйе и даже погадать. На полпути я неожиданно обнаружила, что оставила свой телефон в залитом пивом кафе. Сказав ребятам, что скоро приду на факультет русского языка, я направилась обратно. Найти телефон не составило большого труда. Официант, счастливый от того, что оказался мне полезным, протянул пропажу, и я побежала на факультет русского языка. И снова нитка Судьбы завязалась тугим узелком.

На улице было совсем пусто, только большие ночные бабочки предпочитали бодрствовать по ночам. По коже побежали мурашки то ли от ветра, то ли от разыгравшегося от пива воображения, разбуженного ночью и темнотой. Едва разбирая дорогу, я заметила свет в одном из окон факультета русского языка. «Наверняка, они там. Кто же еще будет учиться ночью? Да и общежития у китайских студентов закрываются в одиннадцать часов». Хотя глаза и привыкли

к темноте, поднимаясь по лестнице с высокими ступеньками, я держалась за перила. Легко толкнув дверь, я зашла в аудиторию, где горел свет. На меня от удивления ставшими большими европейскими глазами смотрел мой забытый товарищ-каллиграф с интересным именем «победа».

– Мэй, ты что здесь делаешь ночью? – две капли туши нетерпеливо сорвались с кисти и упали на работу.

– Ой-ой, у тебя с кисточки капает!

– Мм... даже красиво получилось.

– Я искала факультет русского языка, но, видимо, перепутала здания, они ведь совсем рядом.

– Поздно, тебе нужно возвращаться к себе?

– Нет-нет, так интересно у вас в кабинете, – я подошла к столу, где лежали работы Шэнли.

Пахло тушью. Точно маленькие контейнеры с нефтью, чернели тушечницы. Книги, переложенные незаконченными шедеврами, никак не могли аккуратно сложиться стопками. Я посмотрела на руки Шэнли, очень художественно перепачканные тушью, он заметил мой изучающий взгляд, поэтому мои глаза тут же прыгнули на стену, пытаюсь скрыть мерно разливающийся румянец.

– Это что за смешной человечек? Больше похож на персонажа из мультфильма, чем на иероглиф из древнего манускрипта, – я подошла к каллиграфии, висевшей на стене.

– Вы, иностранцы, видите в иероглифах картинки, в этом вам повезло. Для нас же за каждым знаком неизбежно пря-

чется его смысл, и мы не можем, абстрагировавшись, в полной мере оценить эстетическую составляющую.

– Какие у тебя пугающие иероглифы, такие живые!

– Я просто экспериментирую, творю, не освоив даже азов.

Он аккуратно положил кисточку на край тушечницы и открыл книгу, лежавшую на столе:

– Человек с чутким внутренним зрением или с большим опытом, какой бывает у старых каллиграфов, может легко разглядеть личность того, кто писал иероглиф. Например, видишь, на этой странице буквы шатаются из стороны в сторону, а подчас даже валятся, как поломанные ветром деревья?

– Да, очень характерная каллиграфия, мне нравится.

– Мастер был ужасным пьяницей и редко писал иероглифы, будучи трезвым.

– Получается, это не только искусство, но и психология – сделала вывод я, словно его ученица.

– Все в мире взаимосвязано и устроено по одним и тем же законам. Пойдем ненадолго в большую аудиторию, у нас как раз там выставка, поставим небольшой эксперимент.

– Хорошо. Извини, что отвлекаю тебя от занятий.

– Ничего, – Шэнли закрыл дверь класса, и мы погрузились в темноту спящего факультета, как оказалось каллиграфии, а вовсе не русского языка. Пройдя через лестничные проемы, переходы, внутренние дворики, мы добрались до большой залы, по площади напоминающей круг. Стоило

только Шэнли включить свет, как со стены на нас запрыгали большие и маленькие, четкие и скорописные, аккуратные и небрежные, взбудораженные, разбуженные нами иероглифы.

– Не знаю, почему тебе нравится каллиграфия, иностранцы не всегда понимают ее. Нужно либо родиться китайцем с художественным чутьем, либо обладать каким-то особенным видением мира.

Мы подошли к каллиграфии, висевшей справа от входной двери.

– Начнем наш эксперимент: расскажи мне о человеке, авторе этой каллиграфии.

– Попробую, – с видом знатока я прищурила левый глаз. – Это определенно работа девушки. Очень аккуратно, старательно, со страхом ошибиться.

– Зачтено, ты угадала. Хупин хвалят преподаватели, она неплохо копирует, но пока без намека на индивидуальность и свою точку зрения. Одним словом, осторожничает. Следующая работа.

– Это «он». Чужое мнение его не заботит, он делает все легко и если бы постарался, то непременно достиг бы определенных высот.

– На этот раз не совсем верно, это девушка, но у нее характер хулигана.

– Мы говорим «своя рубаха парень».

Следующая каллиграфия казалась очень гармоничной.

Иероглифы на сей раз не прыгали на нас со стены, им было вполне комфортно на бумаге «сюаньчжи¹¹», чуть охрового оттенка, напоминающего цвет древнего свитка.

– Вот эта каллиграфия мне нравится: спокойная, традиционализм автора сочетается со своим видением. Он к чему-то идет, не торопясь, продумывая каждый следующий шаг.

– Верно, это наш корифей. Он старше всех нас, решил еще пару лет провести в университете, видимо, не поступил в магистратуру. Я тебя с ним познакомлю, он, и правда, сдержанный снаружи, но щедрый душой. Может быть, ты видела его: волосы по плечи, взгляд очень осмысленный, необычный. От людей, верных искусству, всегда веет свободой и чем-то новым.

– Следующая работа. Это определенно не девушка, свое нравный, своевольный, целеустремленный, умом хочет следовать традициям, но его свободная натура всячески этому препятствует.

– Это моя работа.

– Что я только что наговорила?

– Видишь, как говорил знаменитый каллиграф: в человеке отражается его каллиграфия, а в каллиграфии – сам человек, так и с произведением знаменитого пьяного каллиграфа Хуай Су, его стиль называли куан цао – «дикий цао¹²». Он был

---

¹¹ Бумага для каллиграфии и китайской живописи.

¹² Цао шу – скоростной письмо. Иероглифы написаны очень быстро, поэтому нередко понять, какой это иероглиф, затруднительно. Однако, с эстетической

монахом, жил при монастыре, пока его не отправили жарить кальмаров¹³. Еще бы! Чудак осушал несколько чарок монастырского вина, закусывал мясом, а потом брался за кисть, после чего его иероглифы оставались на стенах монастыря, на стволах деревьев и на заборах.

– Тем не менее, взгляни еще разок на эту страницу, – я взяла книгу из аудитории, когда мы вышли, и до сих пор держала ее в руках. – Его каллиграфия так легка, изящна, ритмична и свободна!

– Неудивительно, что тебе нравится, – Шэнли тепло и немного снисходительно улыбнулся, – его стиль считается китайским романтизмом.

Мы шли вдоль стеллажей с работами студентов. Шэнли продолжал рассказывать мне об истории каллиграфии, о своих одноклассниках, о непонимании европейцами китайского искусства, я задавала ему вопросы, но внутри воцарилась тишина, душа замерла в удивлении. Я почувствовала горячую любовь Шэнли к этим то парящим, то ползущим куда-то иероглифам, из мальчика он неожиданно превратился во взрослого, уверенного в себе, увлеченно рассказывающего о любимом деле каллиграфа. Впоследствии я заметила, что каждый раз, когда речь заходила о каллиграфии, он преображался. Его чувства и мысли выходили из сердца, сбегали, как по сосуду, по руке вниз, перетекали в кисточку,

---

точки зрения, данный стиль каллиграфии отличается особой красотой.

¹³ Уволили.

и пропитанные тушью, наконец, появлялись на бумаге.

– Многие факторы влияют на нас. Например, я вырос среди гор, на широких просторах моей провинции. У нас совсем другие масштабы восприятия реальности: мы строим большие дома, живем хоть бедно, но размашисто, сама природа обязывает нас к этому, поэтому и я не могу мельчить с иероглифами. Они будут бросаться в глаза и пугать, но их точно не придется разглядывать с лупой. Мои иероглифы не станут мельтешить на бумаге, как надоедливое насекомое, которое так и хочется прихлопнуть. – Я рассмеялась неожиданному сравнению.

Он указывал на иероглифы своей большой, запачканной тушью ладонью с рельефно проступающими венами. Именно в этот момент, когда я увидела разводы туши на его жилистой руке, я поняла, что была бы счастлива встретиться с ним еще раз, не переставая удивляться тому, как всего за несколько минут от превратился из веселого мальчика-третьекурсника в мужчину-творца.

– Традиционная китайская живопись первоначально была «цветной», но постепенно эволюционировала до черно-белой.

– Так это считается эволюцией?! А у нас с телевидением наоборот: в начале черно-белый, а потом прогресс – цветной.

– Черный цвет вмещает в себя множество всего, разная степень черного передает разные значения.

– Согласна, китайская живопись кажется очень утонченной, гармоничной и сдержанной, не то что буйство красок на полотнах импрессионистов.

– Не посчитай меня невежей, но я совсем не разбираюсь в вашем искусстве. Я хотел поступить на факультет китайской живописи, но покупать краски для моей семьи слишком затратно, то ли дело тушь.

И тут на полях вы можете увидеть приписку, сделанную ею, вероятно, позднее, когда меня не было в замке, так как я не помню, чтобы она перечитывала когда-либо свои записи:

«Что-то есть в каллиграфии роковое и неотвратимое, это не живопись маслом, где можно сотни раз накладывать краску, замазывая свои ошибки и неудачные ляпы, так, что в скором времени картина потрескается от тяжелого слоя штукатурки. Оставив пятно на сюаньчжи¹⁴, его уже не переделать, какой бы косой, неуклюжей, дрожащей линия не была. Единственный шанс спасти положение – разорвать бумагу, отрубив все пути к отступлению. Никаких исправлений. Поставили кляксу на бумаге, одну большую, большую, черную, как сама тоска – скомкаем, выбросим, забудем».

Мне этот парень сразу не понравился. Возможно, Вам показалось, что он такой спокойный, дружелюбный и увлеченный своим делом?

---

¹⁴ Бумага для каллиграфии.

Да, он мне не нравился, но поделаться с этим я ничего не мог, так как они постоянно случайно встречались на улице. Тогда я стал постепенно понимать, что с самой Судьбой мне не совладать.

***

Через несколько недель иностранные студенты должны были участвовать в конкурсе китайского языка, в который входила также творческая часть. Я ломала голову, думая, что бы мне выбрать: танцевать или рисовать. В поисках решения я отправилась на книжную ярмарку, проводившуюся каждые выходные под могучими французскими тополями, то и дело роняющими свои листики на книги, в одном из просторных дворикив университета.

Я листала большие альбомы с картинами старых мастеров: величественные мудрые горы сменялись тихими заводами или заваленными всяким хламом пекинскими двориками. Со страниц альбома порхали птицы: фазаны, журавли, аисты; опустили головки под собственной тяжестью пышные пионы; забежала за корзинку, из которой еще совсем недавно выпали овощи, маленькая мышка. Я была так увлечена разглядыванием шедевров Ци Байши¹⁵, что не сразу заметила, что кто-то смотрит мне через плечо.

– Шэнли, ты напугал меня!

---

¹⁵ Знаменитый китайский художник и каллиграф.

– Привет, извини. Увлеклась китайской культурой?

– Готовлюсь к творческому конкурсу.

– Правда? А почему ты мне не позвонила? Когда у вас конкурс?

– Через две недели.

– Давай я помогу тебе подготовиться, раз уж ты, как я вижу, решила рисовать.

– Было бы чудесно, но ты и так занят, наверное.

– Время найдется. Завтра вечером ты свободна?

Я быстро соображала, когда пары у моего любимого преподавателя по литературе:

– Да, завтра могу.

– Хорошо, полседьмого я заеду за тобой. Встретимся у входа в общежитие.

– Спасибо тебе.

– Тогда до завтра, я на восток, в велоремонт, что-то с цепочкой.

– До завтра, – отозвалась я, обрадованная неожиданной помощью и изумившаяся юмору Судьбы, так часто сталкивающей меня с этим мальчиком на улочках нашего университета.

Вот-вот. И я про то же.

С того дня Шэнли стал забирать меня от общежития на своем велосипеде. Вначале я боялась, потому что у меня

психологическая травма после поездок с Олесей, которая то и дело кричала, независимо от того за рулем она или на багажнике.

Это точно! Когда они с Олесей вместе ездили на велосипеде, я чуть не поседел от переживаний.

Но с ним было нисколько не страшно. Едешь, смотришь по сторонам на разглядывающих тебя китайцев, а Шэнли впереди рассказывает что-то о своей родной стране. Однажды, когда мы ехали на велосипеде, по университетскому радио заиграла популярная в то время песня. Я подхватила мелодию и начала подпевать. Шэнли признался, что ему тоже нравится эта песня, а его девушке – нет.

Веселый! Так у него есть подруга, а он приводит домой другую девушку для занятий живописью! Ей следовало уже тогда серьезно задуматься, не будь она такой легкомысленной.

Шэнли жил не в общежитии, а снимал комнатку, чтобы ночью писать иероглифы или вырезать из камня. Комната была маленькая, а с соседями можно было переговариваться через стенку, потому что под потолком светлела дырка, то есть от соседей отделяла не стена, а просто картонное преграждение. Это была комната настоящего человека ис-

кусства. Бардак ужасный: весь пол завален работами с каллиграфией, на столе – судя по виду, вчерашние макароны, камни для резьбы, книжки по каллиграфии, тушечницы, кисточки. Маленькие размеры комнаты компенсировались двумя огромными окнами с чудесным видом на дорогу, освещенную теплым светом фонарей.

Здесь всегда пахло тушью. Я обожала этот запах и иногда просто так нюхала тушь, чтобы вспомнить его дом, и даже боялась, что когда-нибудь, не удержусь, и выпью эту черную густую жидкость. Шэнли как-то показал мне натуральную тушь: дорогую, твердую, без химических красителей. Хотел даже ее подарить, но я не взяла – слишком дорогой подарок – целых восемьдесят юаней. Отказываясь, я сказала, что боюсь, если она будет у меня, я непременно ее съем, так как очень люблю этот запах.

Хотя Шэнли, действительно, был хорошим преподавателем, не только помогал мне, но и давал частные уроки поступающим, через несколько дней, я решила, что все же буду танцевать на конкурсе. Мне очень понравились наши вечерние уроки, и я не стала говорить своему преподавателю о том, что уже выучила танец и даже нашла костюм, уверяя его, что на конкурсе буду рисовать хризантемы.

Видите, это ключевой момент – плохие мысли завелись в ее голове. Она привязалась, дело даже не в том, что в ее гороскопе, как потом ей скажет старый китаец, «много зем-

ли, и нужно учиться отпускать». Дело в том, что на тот момент ее знаний было недостаточно. Хотя я всеми силами старался спрятать ее здесь, далеко от большого мира, за могущественной горой Тайшань, недалеко от сильной энергии Желтого моря, но где люди – там и страсти. Глупо было бы давить на нее, когда сам вложил недостаточно труда.

Со временем я заметила, что веселый мой преподаватель только с виду, и у него свои тревоги и переживания, связанные, как это чаще всего бывает в таком возрасте, с дамой сердца: «Родители ее не знают, что мы встречаемся, – как-то разоткровенничался он со мной, – если бы знали, то заставили бы нас расстаться. В Китае это обычная история. Возможно, причина в том, что мы из разных мест. Для русских это недалеко, но для китайцев это расстояние считается приличным. К тому же, она сказала, что не выйдет за меня, пока я не обзаведусь квартирой, машиной и стабильной работой. Терпеть лишения и страдать, как мы говорим „чши ку“ – „кушать горькое“, ей не по плечу. Вместе вставать на ноги и зарабатывать она не согласна».

По его расчетам, они смогли бы пожениться через семь лет, после того, как он поступит в аспирантуру, докторантуру, заработает. Его родители были простыми китайскими работягами – устраивались на работу то тут, то там, чтобы было на что жить, брат и сестра в университет не поступи-

ли, поэтому тоже работали, и все надежды семьи возлагались на Шэнли, а он решил посвятить свою жизнь каллиграфии – не самое прибыльное дело, даже в Китае. Слушая его, я отчетливо понимала, что его планы не так уж и реалистичны.

«Кроме того, моя подруга считает меня некрасивым, да и рост у меня не особо высокий. Я теперь изучаю, чем нужно питаться, чтобы подрасти». Рассуждения моего учителя и, конечно, его вредной подруги, мне казались до невозможности инфантильными.

В тот вечер я убеждала его, что у них обязательно все будет хорошо. Но, вернувшись домой, легла спать и расплакалась, стыдно сказать, от зависти. Я почувствовала себя одинокой. Они были вдвоем, строили планы, думали, как справляться с предстоящими трудностями.

***

С тех пор спокойствие, необходимое для занятий чуть ли не любым видом китайского искусства, покинуло меня, мысли роились и рассыпались, перепутываясь между собой: «На полу разбросаны листки с каллиграфией, на столе печати, маленькие ножички, куски камня, тушечница, книги по каллиграфии, одна про любовь, библейские рассказы, сигареты, зажигалка – значит курит. Интересно, когда начал? О многом так хочется спросить, не выходя при этом за рамки. А то, что он думает, это и совсем загадка. Только одна-

жды попросил меня не уезжать из Китая. Неужели искренне?».

Шэнли просил меня остаться, потому что я не принадлежала этому университету, городу, стране, цивилизации, и неизбежно должна была вернуться к себе на родину, вопрос был лишь в том, рано или поздно это произойдет. Так, мы не владели ничем: ни прошлым, ни будущим, в нашей власти оставался только настоящий момент, убегающий, подобно песку, струящемуся меж пальцев.

Когда мы рисовали, я почти не видела его лица, только руки с кисточкой, поправляющие разводы на моих пионах. Его ладонь была большой, и казалось, что ей можно зачерпнуть луну, отражающуюся в воде реки Ихэ. Он держал кисть так уверенно и твердо, что линия едва ли могла дрогнуть, звенела натянутой струной, извивалась гремучей змеей, бежала черной рекой, также как лилась черной рекой моя тоска. «Спасайте всех, помогая перебраться на другой берег» – как написано в одном буддийском трактате. Мне не перебраться. Полные легкие черной воды. Мне казалось, что черный запах разливается по мне, от запаха становится черной кровь, черные вены, разветвляясь и крутясь, плетут свои причудливые черные узоры. Тогда же я написала свое первое стихотворение:

*Черной тушью разольется
Без тебя моя печаль,*

*Тонкой линией несется
В ускользающую даль.*

*Гибкой змейкой с черной кожей
По снегам моих листов,
Темной вязью непохожей
На понятность твоих слов.*

*Черный, черный, снова черный,
Цвет небес, глубин, зимы,
Цвет Вселенной непокорный,
Где нет света и нет тьмы.*

Я была благодарна небесам: у меня никогда не было такого друга: понимающего, внимательного. Как бисер в руках я перебирала те моменты, когда мы были вместе, дирижировали кисточками по белым листам. Его кисть была пропитана черной тушью, моя – нежно-алым цветом пышных пионов.

– Ты рано просыпаешь в воскресенье? – спросил как-то Шэнли.

– Да, я мало сплю в последнее время. Поздно ложусь и рано встаю.

– Пойдем со мной в церковь. Я заеду за тобой в полдевятого, идет?

– Я знала, что ты верующий. Видела книгу с библейскими рассказами на подоконнике. Но не догадывалась, что здесь есть церковь.

– Вот завтра и посмотришь.

– Договорились.

– Моя мама стала верить, а я вслед за ней. До шестнадцати лет я был очень слабым, постоянно болел, никто не мог нам помочь. Мама совсем было отчаялась, но однажды ей приснился сон: какой-то старец сообщил моей матери, что необходимо отвезти меня в Пекин, в главную больницу, там есть врач, который поможет мне. Мама так и сделала, во что только не начинаешь верить, когда за спиной у тебя стоит отчаяние. Мы, действительно, нашли этого врача, и он вылечил меня. Я стал поправляться на глазах, и теперь, как видишь, сильнее всех своих друзей. Моя болезнь принесла веру в наш дом. Хотя родители все же не так часто ходят в церковь.

Я ушла от него со сладкой болью, все время думая о том, что однажды придется расстаться и залатывать кем-то образовавшуюся брешь. Вряд ли есть человек, мечтающий быть заплаткой.

Вот-вот, «сладкая боль», «сказочная минута» – выражения, достойные слащавой средневековой итальянской поэзии. Не люблю ее такой. Такое ее состояние называю «пьяной восторженностью».

***

Я спускаюсь с лестницы, выхожу на крыльцо. Вот он си-

дит на велосипеде, опираясь одной ногой на землю. Сейчас он почувствует взгляд на своей широкой спине, обернется и улыбнется мне. Я не даосская предсказательница, но все происходит именно так.

Мы едем через узкие улочки. Кто-то стирает, кто-то сушит белье, кто-то, выставив тазик на проезжую часть, моет голову, кто-то продает кур и петухов, кто-то играет со своим малышом. По дороге, не слезая с велосипеда, покупаем на завтрак горячие баоцзы¹⁶. Я не надеюсь увидеть огромный готический собор. Церковь находится в одном из частных домов. Ее сразу видно по огромному количеству велосипедов, оставленных у входа. Мы с трудом находим свободное местечко, не закрывая велосипед, ставим его возле стены и заходим в прибежище для верующих. Помещение похоже на зал филармонии бедного квартала: впереди – подобие скорее сцены, чем алтаря. В глаза бросается большой нарисованный красный крест. Прихожане сидят на стульях, расставленных рядами. Мы приходим поздно, поэтому занимаем места в конце, привлекая внимание любопытных студентов и пенсионеров, которых здесь большинство.

Сидеть рядом с ним во время мессы кажется чем-то волшебным. Иногда я опускаю глаза и смотрю на его большую ладонь, так хочется взять ее в руку. Но этого делать нельзя, мы же друзья, к тому же, в церкви полагается думать о Боге.

---

¹⁶ Китайские пирожки с начинкой, приготовленные на пару.

Вот опять! Смотреть на это не могу! Так не похоже на нее.

Вначале мы поем песни Иисусу: «Возьми меня к себе в сердце, Господь. И сам живи в моем сердце». Слова простые, но искренние, живительные. Пастор читает Библию и рассказывает о том, что близко молодым людям:

«То, что когда-то считалось ненормальным, стало нормой. Например, раньше в университете ни у кого не было бойфренда, если же он все-таки существовал, то это считалось аномалией, а теперь наоборот: ты себе никого еще не нашел – значит что-то с тобой не так. Жить вместе до свадьбы раньше казалось невообразимым, теперь – в точности наоборот. Если есть „ненормальное“ социальное явление, но все члены общества молчаливо принимают его, то оно автоматически становится нормальным. Мы не должны забывать о том, что способны влиять на этот мир, так, чтобы то, что считается нормальным, соответствовало нашим религиозным принципам. Творить добро, дарить миру свет, как это делал Иисус».

Пролистаем вперед, если Вы не возражаете?

В тот год лето пришло очень рано, дни стали невыносимо жаркими, поэтому студенты факультета каллиграфии готовились к своим выпускным выставкам по ночам, то открывая окна, надеясь на порывы ветерка, то закрывая их, спаса-

ьясь от ночных бабочек, летящих на свет. Я часто приходила в аудиторию и помогала Шэнли искать написание иероглифов в словаре, иногда сама пробовала выводить иероглифы или же разговаривала с его верующей одногруппницей о Боге.

Все чаще у меня возникало ощущение, как будто все, что происходит, кем-то подстроено, и я двигаюсь к чему-то. Завязываются определенные связи, переплетаются дороги судеб. Хотя простым смертным трудно разгадать законы Вселенной, где правда в любой момент может стать своей полной противоположностью.

Хоть одна здравая мысль среди всего этого безумия.

Летом я уезжала домой, не зная наверняка, смогу ли вернуться. Шэнли не пошел провожать меня, сославшись на то, что не переносит вокзалы и прощания. Вместо этого в день моего отъезда мы сходили на реку, шутили и дурачились, притворяясь, что не знаем и не помним о том, что через несколько часов меня не будет здесь.

«Ты обязательно вернешься и съездишь ко мне в гости», – весело уверял меня Шэнли. На прощание он подарил мне сувенир – небольшой шарик, наполненный песком. Я всегда мечтала побывать в пустыне и как-то рассказала ему об этом. Протягивая мне подарок, он сказал: «Вот небольшой кусочек пустыни для тебя». Все происходящее мы именовали

дружбой, ведь у него была подруга, а между нами расстояния, разные культуры, истории, люди. Но мир полон четко выстроенных, красивых, разумных отношений и связей, которые кажутся большинству людей «совпадениями или стечением обстоятельств».

Уже из поезда, смотря на исчезающие за окном горы нашей провинции, я написала Шэнли: «Извини, что обманывала тебя. Тогда на конкурсе я не рисовала, а танцевала, и во все не было надобности к нему готовиться».

– Зачем же ты училась у меня?

– Не знаю, не сердись, береги себя. Сеть сейчас совсем пропадет.

***

Прошло лето, и по воле Судьбы я все-таки вернулась. Шэнли к тому времени расстался с китайяной и тяжело переживал эту жизненную драму, ведь боль приходит скорее не от утраты человека, а от понимания того, что все планы, надежды, казавшиеся такими реальными и почти сбывшимися, тают, словно пена на поверхности воды. Расстаться предложила его ненаглядная, объяснив это тем, что он видится ей «бесперспективным».

Время бежало, лилось и переливалось, точно серая акварель преддождевых небес. Также менялись эмоции. Они, как разноцветные рыбки, беспокойно выпрыгивали из реки – то

одна, то другая. То время, как воду этой самой реки, никогда нельзя было назвать застойной: переливы эмоций и чувств, мыслей, тревог и надежд.

Мы сидели на берегу реки, на деревянной мостовой, как всегда болтая ногами, едва соприкасаясь с поверхностью мутной воды, когда Шэнли положил свою ладонь, на которую я так часто смотрела в церкви, на мою руку. Как когда-то его рука крепко и уверенно сжимала кисточку для каллиграфии, так теперь держала мою ладошку.

Рок, судьба – и есть река, как бы люди не сопротивлялись ее мягкому или бурному течению, она бескомпромиссно несла их туда, где им предопределено было оказаться, как и записано в плетеной Книге Судеб.

***

Почти каждый вечер, ближе к десяти часам, мы встречались напротив южных ворот, за пределами нашего университета. До сих пор не знаю, как нам удавалось быть никем не замеченными. Ведь если бы кто-то увидел нас, это стало бы известно всем нашим друзьям, знакомым, одноклассникам, да и не нашим тоже.

Даже читать это не буду, можете тоже пролистать.

На велосипедах мы проезжали мимо улиц, которые меняли свой облик с наступлением ночи. То и дело с раз-

ных сторон доносились знакомые мелодии. Сиплые, высокие, поставленные, но по большей части непоставленные голоса из караоке сливались в причудливый хор звуков, мчавшихся по улице за нами вслед. Веселые от пива завсегда-таи ецанов – небольших кафе, располагающихся под открытым небом по обочинам дорог, обсуждали последние новости, утопая в клубах табачного дыма.

Промчавшись вдоль живых ночных городских районов, через высокие расписные ворота мы выезжали на пустынную в поздний час дорогу, ведущую к реке. Теперь можно было взяться за руки, держась за руль велосипеда только одной рукой. Днем в этом районе кипела жизнь: рикши ездили туда-сюда, развлекая туристов, модные китайские дамочки спешили на главную торговую улицу Умацы. С наступлением темноты улица становилась совсем пустой, что делало ее прекрасным местом для человека с воображением, рисуящим здесь то мудрецов давних времен, то благородных вельмож и отважных всадников. По обеим сторонам дороги шептались о чем-то ивы, красные фонари, развешенные на мостах, рассматривали свои отражения в каналах и небольших искусственных водоемах. Когда мы подъезжали к реке, визуальные образы отходили на второй план, уступая дорогу звукам и запахам. Шелестели листья болотных трав у берегов, изредка из воды выпрыгивали озорные рыбки, пахло сырой землей.

Река в поздние часы выглядела мистически. Было уже хо-

лодно, но вода оставалась теплой, поэтому по поверхности, точно из колбы старого алхимика, бежал пар. Может, это духи в своих длинных платьях из легкой невесомой ткани спешили на какое-то важное собрание. Я увидела, как у фонаря, подсвечивающего мост, собралось множество маленьких веселых рыбок. Они, как бабочки, сбежались на свет. К этому времени на реке уже никого не было. Оставив велосипеды на тротуаре, мы сидели на деревянный причал и говорили о всякой ерунде. Как-то Шэнли произнес:

*Ты стоишь на мосту и любишь пейзажем,
Человек, любящий пейзажем, смотрит на тебя
с крыши.*

*Ясный лунный свет украсил твое окно.
Ты украсила чей-то сон.*

– Ты читала стихи времен династии Тан? – спросил он, – теперь уже никто не сможет написать так глубоко, так «раняще», так изысканно, так тонко о чувствах.

– Чем же люди древности отличались от нас, что могли так искусно передавать свои чувства?

– В те далекие времена все были равны и ни к чему не стремились. У людей было много свободного времени, которое они тратили на то, чтобы бродить по золотым полям пшеницы, думать о дружбе, любви, красоте природы. Но эти времена прошли – появились классы и сословия. Что-

бы выжить, приходилось усердно трудиться. Если ты ничего не достигнешь, если не получишь признание общества, если не будешь богат, то другие станут презирать тебя. Ты должен приложить невероятные усилия, чтобы добиться всего этого. Куда уж тут до размышлений о чувствах, природе, душе!

Золотые же времена характеризует красота стихов, изящность, «отточенность» чувств, когда ничего не говорится прямо. Вместо «я люблю тебя» древние говорили «прошу, дай мне свою руку, и пусть она останется в моей ладони до самого последнего нашего дня». В древности каждое слово имело очень глубокое значение, каждое слово было бриллиантом. Какой человек стал бы разбрасывать бриллиантами?

Все-таки поэзия непереводаема на другие языки, особенно китайская, где каждое слово – образ. Образ плюс образ плюс образ – и перед тобой целая картина. Автор передает чувства через предметы внешнего мира, не говоря о них прямо. Помнишь, у Ли Бая¹⁷ о его тоске по родине говорится лишь в последней строке, а до этого читатель видит только холодный лунный свет, упавший на пол его комнаты, и иней. Каждый образ усиливает ощущение одиночества. К тому же, в китайском эффект увеличивается за счет того, что образ присутствует не только в содержании иероглифа, но виден и в самой форме.

– Да, – точно ребенок, затараторила я восхищенно, – иеро-

---

¹⁷ Китайский поэт времен династии Тан.

глифы просто чудесные, например, «ветер» – изображение птицы, у которой развивается хвост – его раздувает ветер.

– Или взять хотя бы «мэн» («сон»): внизу сразу видишь иероглиф «вечер, ночь», который похож на месяц, правда?

Шэнли нацарапал на деревянной мостовой иероглиф «мэн».

– В китайском «мэн» означает и «сон», и «мечта», как и в английском тоже. А вот в русском для этих двух понятий существуют два разных слова. Почему так, интересно?

– Не знаю...

– Хотя слово «мечта», с точки зрения этимологии, это то, что «мерцает», подобно иллюзорному видению, как сон... Все же есть какая-то связь. Кстати, я недавно думала про Муданьтин, «Пионовый павильон¹⁸», там тоже все завязано на снах, причем, судя по сюжету, произведение к реализму не отнесешь.

– Я плохо помню, – сказал Шэнли, смотря на противоположный берег реки.

– Одна девушка из благородной семьи после прогулки по весеннему саду вернулась в дом и прилегла отдохнуть. Во сне она увидела прекрасного юношу. Когда проснулась, очень затосковала по нему, нарисовала свой портрет и умерла от печали. Через несколько дней она приснилась причине своей гибели. Он в причудах от нее не отставал: по пути в столицу, куда он отправился на сдачу экзаменов, проезжая

---

¹⁸ Китайская пьеса XVI века времен династии Мин.

через сад девушки, он случайно увидел ее портрет и вспомнил, что эта же девушка приходила к нему во сне и попросила раскопать ее могилу. Благородный юноша не мог отказать пусть и мертвой, но красавице. Вызволненная из-под земли девушка ожила.

– И они жили долго и счастливо.

– Скорее всего.

– Знаешь, когда я в первый раз прочитала «Пионовый павильон», удивилась не всей этой истории со снами, а тому, что можно заболеть и даже умереть от тоски по кому-то. А теперь я знаю, что это возможно. Вчера мне стало плохо. Утром я почувствовала тошноту, мне было душно, холодно, зябко и жарко одновременно. Каждое прикосновение я воспринимала очень чувствительно. Стоило задеть какой-то предмет, мне казалось, что я сильно ударилась об него, а во все не легко коснулась. Я лежала все утро, потом расплакалась и не могла остановиться. Не от одиночества, как это бывало прежде, и не от тоски по дому. До сих пор не до конца понимаю почему. Возможно, потому что мы не виделись с тобой позавчера.

– Может, съела что-то не то или просто устала.

– Не порти поэтику, Шэнли! Стоило только увидеться с тобой, как сразу стало легче, а теперь и тем более. Это подтверждает то, что легенды и предания изначально и были жизнью. Почему люди перестали верить в то, что все это правда.

Я все-таки решил пробежать глазами. Она тогда уже была такой ранимой, такой чувствительной, и все сказывалось на здоровье.

– Они слишком заняты покупкой недвижимости и повышением себя в глазах окружающих, – отозвался Шэнли.

– Да, это китайские поэты только и думали, как бы все бросить, уйти в горы и писать там стихи.

– Обычно они уходили в горы после провала на экзаменах. Видимо, поражение очищало их сознание от суеты. Они становились «пустыми», таким образом, в их голове и сердце появлялось место для новых идей, впустив в себя которые, недавние неудачники становились настолько чистыми внутри, ни на что не претендующими, не стремящимися ничего отхватить для себя, что стали способны замечать красоту этого мира. Иногда даже получившие приглашение на службу отказывались становиться чиновниками, предпочитая состариться в уединении среди рощ и источников. Разумеется, подобные поступки восхищали окружающих. Неудачная карьера заставляла размышлять о жизни, приводила людей к творчеству. Именно благодаря тому, что обстоятельства сложились так, а не иначе, в мире китайской литературы появилось множество великолепных произведений:

*любил свой нищенский дом.
Вокруг его стен
разросся густой бурьян.*

*Укрывишись от глаз,
знакомство с людьми прервал.
Стихи сочинять
с искусством редким стал.*

– Знаешь, русский иконописец Андрей Рублев, хоть и был монахом, а не отшельником, прежде, чем написал икону «Троица», год не разговаривал. Может быть, верил, что со словами утекает энергия, хотя, говорят, что сам себя наказал за какой-то грех. Все душевные процессы настолько тонки, что трудно заметить их течение, разобраться в них, но именно из таких невидимых потоков непрерывно плетется полотно жизни. Ты тоже, если не поступишь в магистратуру в Пекине, будешь писать иероглифы и стихи где-то далеко от цивилизации и станешь впоследствии знаменитым?

– Я не хочу быть знаменитым, я хочу быть с тобой, хочу заниматься своим искусством. Я обязательно поступлю, мы переедем в Пекин, на выходных будем гулять по паркам, любоваться древней китайской архитектурой, а в медовый месяц поедem в Дуньхуан¹⁹ любоваться фресками пещер Могао. Мои родители должны гордиться мной, и пусть соседи и родственники завидуют.

---

¹⁹ Город в китайской провинции Ганьсу.

– Неужели тобой движут амбиции и стремление доказать что-то соседям?! Никогда не замечала этого в тебе...

Да ладно! А я вот сразу это заметил. Любовь слепа, моя дорогая. Но это твое чувство, разве оно любовь?

– Основа мужчины – в борьбе, в обустройстве жизни. Женщина рядом с таким мужчиной должна терпеть трудности, поддерживать его. К тому же, я всего лишь хочу, чтобы наше положение в городе улучшилось. Папе и маме туго раньше приходилось, я никому не рассказывал историю нашей семьи, но ты и представить не можешь, насколько все было трагично.

– Я помню только, что ты говорил что-то про дядю.

– Да, все из-за него. Имущество деда по завещанию должно было перейти старшему мальчику во всей нашей семье. У дяди родились девочки, все прекрасно понимали, что я – единственный наследник, а в Китае, как ты знаешь, дядя не мог до бесконечности пытаться родить мальчика в связи с государственной политикой контроля рождаемости. В деревнях и маленьких городах программа «один ребенок в семье» и без того обходится со всех сторон. Дяде ничего не оставалось, как убить меня и Вансю, моего брата.

– Не может быть, ты серьезно?

– Да, к сожалению. Однажды во время какого-то праздника, я тогда был еще совсем маленьким, вся наша большая

семья собралась в доме у бабушки. Мама заметила у меня в тарелке странный порошок. Среди гостей был аптекарь, он-то и объявил всем, что это сильный яд. В другой раз, возвращаясь домой из школы, я увидел, что за мной увязались двое мужчин. Почувствовав что-то неладное, я дал деру – они за мной. Тогда мне удалось убежать. Мама ужасно перепугалась, когда увидела мое бледное лицо, особенно после истории с ядом. Никаких доказательств, одни только смутные догадки – это все, что у нас было, с таким в полицию не сунешься, поэтому мы пошли к местному старику-даосу.

– Это больше похоже на фильм.

– Ненавижу его. Дядю. Старик-даос подтвердил, что за этим всем стоит брат отца, также он предостерег меня, что дядя попытается избавиться от меня в третий раз. Тогда было решено, что я должен ходить на занятия по ушу. Знаешь, родина тайцзи²⁰ в нашей провинции, совсем недалеко от моего дома, поэтому у нас в городе много хороших учителей. Каждый день, во время тренировок, я думал только о том, что однажды мне придется себя защищать, и, вполне возможно, ушу будет моим единственным оружием. Неудивительно, что ни прошло и года, как я стал лучшим учеником, выступал на всех праздниках, обо мне пошла слава на весь город. Как-то перед занятием учитель подозвал меня к себе, чтобы поговорить: «Шэнли, сегодня приходил твой дядя и попросил, чтобы я больше не преподавал тебе. Вначале

---

²⁰ Тайцзицюань – китайское внутреннее боевое искусство, один из видов ушу.

я хотел выгнать его немедленно, но мне стало любопытно, в чем причина. Я спросил его об этом. Твой родственник ничего не ответил, а только протянул мне деньги. Я отказался. Что у вас происходит в семье?». «Не знаю, Учитель», – что я мог сказать, но с тех пор я стал заниматься еще усерднее.

Через некоторое время дяде удалось обманом упрятать отца за решетку. Мы были еще маленькими, но понимали, что маме не прокормить одной трех детей. Все были до ужаса напуганы, Вансю постоянно плакал. Как-то утром мама разбудила нас очень рано и велела живо собираться. Я одел Вансю, только успел натянуть штаны сам, как мать сказала, что мы уже уходим. Лицо ее было жестким, решительным и отчаянным. Я вспомнил, что ночью, пока мы спали, она куда-то выходила. Как выяснилось чуть позже, пунктом нашего назначения был суд. Мама долго ругалась с чиновниками, кричала, плакала и угрожала. Но дядя, видимо, уже подкупил этих «слуг закона». Тогда мама достала яд, который она купила ночью, и сказала, что убьет себя и детей прямо здесь, если они не помогут. Страх – большая сила, и судьи решили, что лучше отпустить ни в чем неповинного отца, чем потом отчитываться перед начальством за произошедшее.

– Как такое возможно? Эти миролюбивые китайцы, оказывается, иногда бывают настоящими бандитами! Неужели дядя, действительно, так ужасен? Твой дедушка что, живет в Гугоне²¹, и поэтому все так стремятся заполучить наслед-

---

²¹ Запретный город, дворец императора.

ство?! Даже трудно себе представить.

– Дело не только в дяде, мой отец слишком робкий и добрый. Я все детство старался не стать похожим на него, дрался, чем сильно пугал родителей. Причем они боялись не за меня, а, скорее, опасались, чтобы я сам кого-нибудь не убил.

– Но ты такой хороший.

Конечно!

– Нет-нет, может, только с тобой, с моими друзьями, но эта злоба живет в моем сердце, давит меня. Поэтому я должен поступить в университет в Пекине, и пусть дядя удавится от зависти, вместе с его ведьмами-дочерьми.

Взгляд Шэнли заблестел, мышцы лица напряглись, он сильно сжал мою руку, лежавшую на мостовой. Вскрикнув от боли, я вернула Шэнли из глубин его мыслей о плане мести.

– Прости, прости, я сделал тебе больно?

– Все нормально, не переживай, но ты не должен держать в себе гнев. Прости дядю, опасность тебе больше не угрожает. Не думаю, что можно верить какому-то предсказателю по поводу третьего раза.

– Я знаю, Иисус тоже учит нас прощать, но я не могу. Не могу.

Мы замолчали, погружившись то ли в собственные мыс-

ли, то ли в дрожащую, окутывающую нас атмосферу осенней ночи.

Вдруг в темноте замаячило чье-то красное пальто. Это была необычная местная поэтесса с высоким статным кавалером, который был точно не ее мужем, преподавателем университета, которого знали все. Они неспешно бродили по берегу и о чем-то беседовали. Мы видели их здесь уже дважды.

Шэнли шутил: «Пойдем поздороваемся: «Мадам, супруг мадам, наше почтение. Ой, извините, но Вы не муж мадам, кто же Вы?». «Хорошо, спроси, а я подожду тебя здесь. Очень интересно на это посмотреть», – подыгрывала я.

Пара неспешно прошла мимо нас и растаяла в дымке, поднимавшейся от реки.

– Может, это знак? – мистически произнесла я.

– И во все ты веришь, – весело потрепал Шэнли мои сползавшие по плечам волосы.

В тот же вечер я нашла стихи таинственной поэтессы, прочла написанные ею строки об осени и любви, как раз о том, что происходило со мной и Шэнли, а также, возможно, с ней и ее неизвестным спутником.

Какой же прекрасной становится реальность, пропущенная через фильтр души поэта: ночь наполняется терпкими запахами и тревожными звуками, звезды горят ярче, любимый целует жарче. Не существует ни времени, ни пространства. «Говорят, не тосковать о любимом труднее всего осенью. Ласточки, улетаая, горюют в разлуке, лебеди не знают

срока своего возвращения. Тоска эта идет из глаз, вылепленных из черного оникса, тоска накручивает в сердце вихри сладко-безжалостного тайфуна. Только одно сможет справиться с темнотой ночи – это любовь».

Помню еще одно стихотворение, которое я тогда отыскала:

Крона дерева – мой зонт.

Туман – моя мантия.

Опадающие листья – разочаровавшиеся в жизни бабочки.

Капли дождя – мои слезы.

Осенний ветер – мое дыхание.

Знакомая тень – моя последняя надежда.

Вероятно, статный незнакомец и был этой самой «знакомой тенью».

***

Близился конец октября. День уже перешел свою половину и облегченно вздохнул в предчувствии вечернего покоя. Старый город, позабыв про древние истории и легенды, кипел повседневной жизнью. Мы с Шэнли приехали в центр города, находящийся в объятиях городской крепости, чтобы найти подарок Кристине на День Рождения. Солнечный свет из слепяще-белого дневного плавно превратился в убаюки-

вающий тепло-оранжевый вечерний. Мы промчались вдоль стены, за которой располагался дом Конфуция. Запах мощных внутри, но рассыпчатых, словно халва, снаружи кипарисов заставил сделать глубокий вдох, чтобы легкий привкус коры задержался в легких чуть дольше. В этой части старого города велосипедистов, водителей, погонщиков лошадей да и простых пешеходов совсем немного. Я посмотрела на ехавшего слева Шэнли и улыбнулась, он улыбнулся мне в ответ. Стоило только проехать перекресток, как мы попали на оживленную улицу кафе и небольших магазинчиков одежды, где, если как следует поискать и задобрить удачу, можно найти немало интересного и подобрать что-нибудь из шедевров неукротимой фантазии китайских провинциальных модельеров. Например, на один из манекенов в витрине магазина было надето розовое платье в черный горошек, спереди красовалась яркая вышивка со стразами и небольшим пером. Готова поспорить на ящик пива Циндао, сзади пришит бархатный черный бант. Причудливая китайская авангардная мода.

Проезжаем моих старых знакомых каменных львов, поворачиваем налево и сразу сливаемся с толпой туристов, самых опасных пешеходов, занятых выбором сувениров для своих друзей и родных, в связи с чем потерявших свою осторожность. Мы попадаем в несколько кадров фотографирующихся на фоне входа в Храм Конфуция, после чего подъезжаем к главной дороге. Шэнли перестраивается направо, чтобы

защитить меня от летящего лихача-рикши, кричащего по-русски, по все вероятности, именно мне: «Здравствуйте, товарищ!». Пересекаем проезжую часть и оказываемся на улице антиквариата. Я как всегда спрыгиваю на ходу со своего велосипеда, уже совсем привыкнув ездить без тормозов.

– Шэнли, давай пройдем здесь пешком, смотри, как интересно!

– Не думаю, что Кристине понравится что-то из этого раритета.

– Просто посмотрим.

Керамический чайник, украшенный барельефом извивающегося рогатого дракона, маленькие белые статуэтки председателя Мао, древние круглые монеты с квадратной дырочкой, символизирующей землю, ржавеющие местами драгоценности, деревянные подставки для кисточек с тонко вырезанным узором, маленькие фарфоровые чашечки.

– Думаешь, это все настоящее? – спрашиваю я своего друга, разбирающегося в искусстве.

– Очень может быть. В районе Фанцзяюань в Пекине много подделок, но здесь – не думаю. Местным легче разгрести завал в чулане и найти там что-то, чем осваивать технику подделок, говорят, что копировщики даже отмачивают произведения своего искусства в моче, чтобы было похоже на древность.

– Смотри, на той стороне улицы столько цветов. Кристина постоянно мне рассказывает, что ей хочется о ком-то за-

ботиться, а животных в общежитии держать нельзя. Ах, вот этот кустарничек, маленькие малиновые цветочки, прямо как звездочки!

У края дороги располагалась целая оранжерея с высокими, маленькими, колючими, большими, зелеными, фиолетовыми растениями.

– Давай купим, всего десять юаней.

Шэнли заплатил и аккуратно поставил горшок с пышно раскинувшимся цветком в корзинку велосипеда.

– Мне очень нравится улица за поворотом: прямо и налево, – я показала рукой направление, по которому нужно ехать.

– Чем тебе так приглянулась эта улочка?

– Здесь зоо-магазин, я покупаю вкусности для Цзыхуана, моей рыбки.

Только мы повернули за угол, как на нас со всех сторон налетел шум и гам, пение волнистых попугайчиков, теснившихся в небольшой клетке, визг щенков с перепутавшейся шерстью, попискивание красноглазых мышат. Клетки были расставлены возле проезжей части, чтобы можно было привлечь покупателей, таких, как чумазый малыш, тянущий маму к магазину. Посмотрев на стайки рыбок, то и дело сталкивающихся в тесном аквариуме, мы, не садясь на велосипеды, направились вглубь улицы.

С правой стороны дороги, сразу за магазином со сладостями, я увидела дедушку в черной шляпе с широкими по-

лями. Перед ним были разложены пиктограммы из Книги перемен²² и листок с изображением ладони.

– Шэнли, это же пиктограммы Книги перемен, я как раз хожу на занятия по изучению Книги!

– Хочешь погадать? Мы забыли мудрость наших предков и теперь считаем все это суевериями, тем не менее, многие продолжают ходить к даосам. Те, кто победнее, советуются с ними по важным вопросам, а у кого водятся лишние деньги, даже по не особо важным.

– О чем обычно спрашивают?

– Например, в каком районе города лучше купить квартиру по Фэншую.

– А тебе гадали?

– Мама давно ходила к какому-то старцу, спрашивала о нас всех.

– И?

– Говорит, что я женюсь на девушке младше меня на год или два. Я не очень-то верю в это. Будешь гадать?

– Тогда, эта девушка – не я, – сказала я разочарованно. – Но так любопытно, я хочу погадать, да и ты рядом, если что объяснишь, что дедушка скажет.

– Здравствуйте, – Шэнли аккуратно поставил велосипед у обочины, – мы хотели бы погадать для девушки.

---

²² «И цзин» (или «Чжоу И») – наиболее ранний из китайских философских текстов, датируемый около 700 г. до н. э. и предназначавшийся для гадания, состоит из 64 гексаграмм.

– Конечно, – заулыбался дедуля во все свои пятнадцать зубов. Проходите, проходите сюда.

– Ну и акцент у дедушки, видимо, он местный, очередной внук Конфуция. Здесь все называют себя потомками Конфуция и носят фамилию Кун, – быстро шепнула я Шэнли. Он только улыбнулся в ответ.

– Ну, устраивайтесь, – дедушка поставил два маленьких низких стульчика для нас, а сам присел рядом. – Скажи, пожалуйста, красавица, когда и во сколько ты родилась.

Шэнли хотел было перевести слова предсказателя, но я уловила смысл, несмотря на его диалект, и ответила.

– Хорошо, подождите, мне нужно все проверить и посмотреть, я ведь не шаман, просто изучал Книгу Перемен.

Пока дедушка, надев очки, листал какие-то древние трактаты и таблицы, я начала немного волноваться. Можно не верить в пророчество, но в душе и в памяти все равно останутся слова случайного предсказания. Сбудутся слова или нет, никто не знает, но вспомнятся в последствие наверняка. Шэнли тоже притих, как будто решалась его судьба. Тем временем, вокруг собралась толпа, видимо, желая узнать, что же ждет меня в будущем.

– Та-а-ак, начал наш предсказатель, – твоя стихия – дерево. Не надо тебе скитаться по свету, дереву нужно пустить корни в землю, но если поедешь куда-то, то лучше на восток и на север. Не носи украшения из металла, не надевай красный цвет.

- Ой, Шэнли, и правда, в детстве мне всегда покупали вещи красного цвета, а мне больше нравился синий и зеленый!
- У тебя широкая душа, можешь понять и простить других, «сотни морей, тысячи рек».
- Что это еще за водоемы?
- Это значит, что у тебя много друзей, еще прибавится немало.
- Замуж не торопись, счастливым будет поздний брак. Муж твой – высокопоставленный чиновник, родится у вас мальчик, очень талантливый сорванец, ха-ха, – весело усмехнулся дедушка. «Земли» у тебя много, надо учиться отпускать то, что уходит, не цепляйся так. На горе Тайшань²³ ты бывала?
- Да, мы ходили с друзьями недавно, встречали рассвет. А что?
- Ты тун-ню. Видела богиня Гуаньинь²⁴ изображается с двумя малышами – мальчиком и девочкой? Их еще называют тун-цзы.
- Да.
- Так вот, девочка – это ты. Гуаньинь рано или поздно захочет тебя позвать обратно, так что лучше не ходи на эту гору.
- Шэнли, ты знаешь что-нибудь про этих ребят тун-цзы?

---

²³ Гора в китайской провинции Шаньдун.

²⁴ Бодхистаттва милосердия, приходящая на помощь по первому зову. Гуаньинь почитается представителями практически всех конфессий Китая.

– Изображения тун-цзы есть в даосских храмах, их вешают в магазинах и домах на Праздник весны, как знак удачи и благополучия.

– Я расскажу вам про них, – вызвался дедушка, напоми-
навший в своей широкополой шляпе постаревшего Зорро. Говорят, эти девушки и юноши прислуживали богам и боги-
ням – прибирались, заваривали чай, но, заскучав по земной
жизни, спустились в наш мир. Их нетрудно вычислить: у них
немного детское милое лицо, с ними легко и интересно, кро-
ме того, они обладают развитым шестым чувством, очень
чувствительные. Они должны будут вернуться туда, откуда
пришли, поэтому нередко попадают во всякие переделки.
Но ты не бойся, дитя, многие приспособляются и к жиз-
ни на земле: молись своим богам, хорошо относись к людям
и все будет хорошо.

– Спасибо, Дедушка. Очень интересно.

– Господин, посмотрите и для меня свои таблицы, – вы-
звалась заинтересованная гаданием женщина из толпы.

***

Синеватые тени плавно опускались на город, а может, на-
оборот, поднимались от земли, уже не пугаясь туманного
азиатского солнца. День миновал, все успокаивалось, гото-
вясь ко сну, и только фонари, расположившиеся в ряд по кра-
ям дорог, заступали на дежурство.

Наш любимый стол на втором этаже гостеприимно принял чашки и блюда. Звуки разворачивающихся шоколадных оберток и побрякивание ложечек о края кружек аккомпанировали мерному течению запаха кофе, ползущему по коридору.

– Все в сборе?

– Кри побежала за печеньем, оставшимся с Дня ее Рождения.

Через несколько минут Кристина пришла в своих шлепках, как всегда веселым пошлепыванием предвосхищающих ее появление. Балансируя, чтобы не разлить кофе, она подошла к столу и села рядом.

– Ты откуда такая румяная? – обратилась она ко мне.

– Только что приехала с занятия по танцам.

– Ты записалась на курсы? Почему никого с собой не взяла?

– Не-е-ет, я преподаватель.

– Прекрасно! С тебя и начнем наше совещание. Давай рассказывай.

– Меня попросил священник из местной церкви преподавать танцы у воспитательниц детского сада. Мы должны подготовить выступление к Рождеству.

– Сама будешь ставить танец! Есть идеи?

– Да, мы уже начали репетировать, я выбрала фламенко.

– Ты шутишь? – удивилась Тамара, кладя за щечку розовую печенюшку с кокосовой стружкой.

– Почему? Нет, мне нравится этот танец.

– Я обязательно приду на выступление. Воспитанные на конфуцианской морали стеснительные китайки танцуют танец испанской страсти.

– Это танец брошенной женщины.

– Пусть даже и так. Да ты модернистка-авангардистка, как я посмотрю.

– Очень даже неплохо у них получается. Я хочу, чтобы они почувствовали себя женщинами, пытаюсь показать, что на женственной статной красоте издревле держалось мироздание.

– Не думаю, что это поможет им избавиться от стремления к азиатской милашности, перекочевавшей из Кореи, разумеется, Южной. В Северной, может, тоже есть эта милашность, но узнать о ней дано далеко не многим, – заметила подкованная в делах политических Олеся.

– И сколько тебе платят за подработку?

– Священник попросил меня преподавать и сказал, что Бог потом меня отблагодарит за помощь.

– Она в такой холод ездит на велосипеде в какой-то значный район, и ей за это еще не платят! – Тамара всплеснула руками, удивляясь несправедливости нашего мира.

– Тамар, не возмущайся. Тебе бы в организации по борьбе за права человека работать.

– Сегодня, правда, очень холодно, даже если как следует перекрутиться шарфом. – Поэтому пришлось прибегнуть

к крайним мерам, – вступила в беседу Кристина.

– Интересно, что это у Вас за методы обогрева? – деловито поинтересовалась Олеся.

– Ладно, ладно, – хихикнула Кри, – я предложила выпить немного Бейлиса перед дорогой. Надеюсь, твои ученицы не почувствовали прекрасного градусного аромата.

Тамара саркастически улыбнулась:

– Хорошо, подытожим: в темный вечерний час, когда все китайские студенты добросовестно жевали цветную капусту в столовой, Мэй, под предлогом разогрева, отхлебнув Бейлиса прямо из горла, села за руль велосипеда без тормозов и отправилась в детский сад, заметьте непростой, а при церкви, чтобы, будучи уже нетрезвой, обучать пуританок праведниц китаянок развратному испанскому танцу страсти. Да, Бог, конечно, за такое тебя отблагодарит.

Кристина так и брызнула недопитым кофе от смеха.

– О, Боже, Тамара! Ну, ты умеешь все выставить в лучшем свете. Давай дальше. Что у нас на повестке. Не будем обсуждать только мои дела. Как у тебя прошел урок пения с умопомрачительным преподавателем? – я торопливо перевела тему.

– Неважно.

– Почему?

– Потому что умопомрачительный преподаватель помрачился умом.

– От красоты твоей обезумел бедняга, – сочувственно

вздохнула Олеся, доедая последнюю печенюшку из палетил-зеленого пакетика.

– Говорит: «А теперь я научу тебя дышать».

– Ладно, хоть не искусственное дыхание собрался делать.

– Положил руки мне на грудную клетку и, как врач, командует «дыши-не дыши». Я и так уже стою, совсем не дышу.

– Такими темпами ты скоро запоешь как оперная певица, – с тревогой посмотрела на Тамару Кристина.

– Или как певица Пекинской оперы... – игриво подхватила Олеся.

Телефон на моих коленях весело запрыгал, как будто радуясь, что, наконец, прилетело сообщение от Шэнли. «Никто не заметил, уф...».

– Девочки, у меня дела, вы продолжайте совещание, я подойду позже.

– Пьяная преподавательница танцев собирается продолжать свои сегодняшние подвиги, – захихикала вся кампания мне вслед.

Между тем, я птицей взлетела вверх по лестнице, на ходу читая сообщение: «Жду тебя у северных ворот». Я забежала в комнату, делая все быстро, словно на дворе ядерная война, и только что объявили об эвакуации. Оставила кофе засыхать на стенках кружки, закрутилась шарфом, пшик-пшик два выстрела духами, схватила ключи от велосипеда и вихрем понеслась на парковку на заднем дворе, где меня

ждал велосипед. «Маневрируем, девочка с термосом пройдена. Раз – лежачий полицейский, прыжок, студент идет, копаясь в телефоне, тревога. Два – лежачий полицейский, пройдено, спрыгиваем перед воротами на ходу, как самый лихой мушкетер. Все-все, вот она знакомая синяя куртка. О, нет! Одногоруппники-корейцы, ставим велосипед в сторону, тянем время, делая вид, что закрываем замок на велосипеде, выжидаем пока корейцы пройдут. Сделано, не узнана, как грабитель в поздний час». Люди, действительно, никогда не заметят то, чего не ожидают увидеть.

Точно агенты спецслужб, мы переглянулись и пошли по направлению к городской стене. Хотя было темно, за руки взялись, только отойдя от университета на приличное расстояние. Мы решили держать все в тайне, так как разговоров будет целое море, что может принести нам немало хлопот.

Запах дождя смешался с ароматом опавших листьев, которые то и дело медленно слетали откуда-то с небес

Запах дождя смешался с ароматом опавших листьев, ко-

которые то и дело медленно слетали откуда-то с небес. Время остановилось, а с ним и капли дождя, превратившись в туман, словно зависли в воздухе. Каменные львы мокли под дождем. В лучах уличного фонаря было видно, что мелкий нежный дождь все еще идет. Особенно напоминали кадры из фильма развесистые ивы над каналом возле старой городской стены. В нашем только-только зарождающемся общем мире едва заметные движения становились значимыми и символичными. Когда я моргала, мои непривычно длинные для Шэнли реснички бились о его улыбающуюся щеку, как крылышки ночной бабочки, прилетевшей на свет и бьющейся о стекло. Он смеялся, когда мы держались за руки, и мой большой пальчик, не желая мерзнуть в одиночестве, весело нырял в его теплую ладонь.

Как было бы прекрасно навсегда остаться в том мире. Но мир внешний, словно бушующий океан, с каждой волной становился все ближе к нам. Восторг и счастье быть вместе – рука в руке – не утратили своего сияния, но страхи и опасения, как гиены, обступали нас с разных сторон. Чем ближе наступала глубокая осень, тем неизбежней казалось расставание, ведь я оканчивала университет и должна была ехать домой. Перед нами стояла вечная проблема большей части человечества – неопределенность. Шэнли становился мрачнее с каждым днем, а я терялась в догадках, спрашивала его, не случилось ли что, но он только улыбался, заверяя, что мне показалось. Тяжесть его мыслей чувствовалась все силь-

нее и беспокоила меня все больше. Мы совершали ошибку, скрывая тревоги друг от друга, говоря вовсе не о том, что беспокоит нас на самом деле: «Скоро станет совсем холодно, где мы будем гулять по вечерам», – думал вслух Шэнли. Мои же мысли, между тем, уносили меня на месяцы и годы вперед, жестоко разрушая настоящее: «И что потом, как мы будем жить? Поженемся, как он говорит? Но он еще учится, а я уже ищу работу. Мне так хотелось, чтобы кто-то берег и защищал меня, как героинь корейских драм, а теперь даже с ним я не чувствую себя в надежных руках, а лишь ощущаю хрупкость настоящего. Ведь он не знает, каков большой мир, какие в нем люди, и сможет ли он уберечь от штормов этого внешнего мира себя, меня и нас?».

***

Ответ не заставил себя долго ждать, Вселенная спешила показать жизнеспособность всех моих страхов и тревог. Однажды утром мне пришло сообщение от моего дальнего родственника Антона. Он приезжал по работе в Шанхай и просил быть его переводчиком. Возможность заработать и набраться опыта казались очень заманчивыми. В конце года занятий почти не было, и я взяла билеты до Шанхая. Не знаю, что двигало мной больше – необходимость заработать или привычная жажда приключений. Мы попрощались с унылым Шэнли с его вымученной улыбкой, и поезд на скорости

около трехсот километров в час унес меня в Шанхай.

Как актриса перед выходом на сцену, я волновалась перед каждой работой, особенно меня пугало слово «генеральный директор», который прилетал с Антоном. В аэропорту оказалось, что генеральный моложе Антона и нисколько не страшный. Пока мы искали такси, чтобы добраться до гостиницы из аэропорта, я успела как следует его разглядеть. Куртка по типу фрака, сзади точно обрубленный хвост павлина, короткие штанишки, сужающиеся к низу, как у поклонника госпожи Бомарше, начищенные ботинки, из которых выглядывают носки в полосочку, от Диора, по всей видимости, стильные очки в черной пластмассовой оправе, галантный, как типичный выпускник МГИМО. Как же их там так штампуют, что одного от другого не отличишь? Разумеется, в такси светский лев начал светскую беседу.

– Слышал, в Шанхае проводится немало выставок современного искусства.

– Да, – отозвался деловым тоном Антон, – но не в этот раз, у нас не будет времени на экскурсии, столько встреч, я хочу, чтобы ты все увидел, все заводы, наших потенциальных поставщиков.

– Да, понимаю, просто недавно был в Москве на выставке кубистов, потрясающее восприятие мира, не каждому дано понять. Мы ходили туда с классом моей дочки. Школа у них возле Рублевки, туда нелегко попасть, но нам все же удалось, я тебе рассказывал как, ха-ха, – обратился он к Антону.

С этой фразой червь тревог и сомнений снова подкрался ко мне и устрашающе зашептал: «Образованные люди, увлекаются искусством, дети ходят в лучшую школу. А как же мои дети? Будут ходить в деревенскую школу с китайцами и никогда не узнают о кубизме?».

Не беспокойся о будущем, Ло. Есть кто-то, кто позаботится о тебе. Помнишь, «лилиши не думают о том, что им надеть, но облачение их прекраснее всех парчовых нарядов и изумрудов».

Генеральный продолжал вещать что-то из теории об искусстве вплоть до самого отеля. «Переодеваемся и сразу по заводам,» – скомандовал Антон в то время, как генеральный озирался по окрестностям и недоумевал по поводу вывесок с пугающими его иероглифами.

Весь день прошел в поездках, совещаниях, осмотрах помещений, проверках санитарных условий и знакомствах с передовыми технологиями. Я то и дело смеялась про себя: только я могла сопровождать делегацию на заводы по производству сухой морковки. Компания генерального планировала закупать большие партии сухих овощей, а может, даже организовать производство где-нибудь под Москвой. Мы прошлись по производственным цехам: оборудование для чистки, сушки, резки было настолько простым, что его можно было собрать самим. Потом направились в отделы сор-

тировки, где, в основном, использовался ручной труд. Рядами сидели китайцы в белых халатах и перебирали кусочки морковки. Оставалось только удивляться, как люди могут заниматься этим всю жизнь? Наверное, ненавидят морковь, оранжевый цвет и все, что с этим связано. «У нас разная по качеству сухая морковь, соответственно, разная по цене, – предусмотрительно предупредил менеджер одного из заводов, – Вам, разумеется, самую низкокачественную и дешевую». «Да – ответил Антон, и его бровь удивленно побежала вверх, – откуда Вы знаете?». «Из России все покупают самое дешевое. Что же вы так не любите своих сограждан?» – усмехнулся наш собеседник.

Китайцы пригласили нас на обед, как это водится, чтобы не потерять лицо. Стол ломился от яств: рыба, баранина, свинина во всех возможных соусах, «танцу ли цзи²⁵», «тан цу ли ю²⁶», «хуншао доуфу²⁷», море овощей. Когда мои русские друзья наивно полагали, что обед закончен, принесли лапшу. За лапшой последовали фрукты, на которые генеральный смотрел с ужасом. Антон не привык к китайской еде, плохо ему становилось уже от запахов, в прошлый раз он похудел в Китае за неделю на несколько килограммов. Тогда мы только тем и занимались, что искали Макдональдсы даже в самих глухих китайских южных деревеньках, ведь Антон

---

²⁵ Жареная свиная вырезка в уксусно-сахарном соусе.

²⁶ Жареный карп в уксусно-сахарном соусе.

²⁷ Тушеный соевый творог с грибами и овощами.

наотрез отказывался верить, что их там быть не может.

К концу дня на меня навалилась ужасная усталость, одежда насквозь пропахла морковкой, а ее запах преследовал повсюду: видимо, впитался в пальто, да и во всю одежду.

Я улыбалась, думая, что смогу погулять, куплю шоколадку, чтобы заесть китайские деликатесы, найду Интернет-салон, откуда можно будет поговорить с Шэнли, когда услышала роковую фразу: «Поработали, можно и отдохнуть, поедем-ка в бар! Дорогая, попроси у китайцев порекомендовать хороший бар, если такой есть в маленьком городке».

«О, нет! Теперь с Шэнли мы не поболтаем!». Хотя в последние дни отношения наши стали напряженными, однако теперь я сильно по нему скучала, и больше всего мне хотелось услышать его голос.

– Мистер Джан советует нам поехать в караоке «Золотая жемчужина», там можно выпить, потанцевать и спеть что-нибудь из Витаса, так как других русских песен у них, скорее всего, нет, разве что «Катюша» и «Подмосковные вечера».

– Хорошо держим путь в «Золотую жемчужину»!

Мы остановились возле помпезного здания с яркой, зашарпанной вывеской. Внутри красовались золотые львы и красные грязные диванчики, претендующие на европейское барокко. «Как же все может быть таким роскошным, но дешевым и потрепанным? Видимо, людям все равно, когда они собираются выпить», – подумала я про себя. Мистер Джан помог забронировать нам комнату, заказал невероят-

ное количество ящиков пива, что явно было дурным знаком, ведь мы не уйдем, пока не выпьем все это.

Высокий китаец с хладнокровным лицом проводил нас в комнату по коридору, застеленному красным, таким же грязным, как диванчики в холле, ковром. Со всех сторон доносились китайские песни, пьяные голоса хрипели, скрипели и кряхтели, пахло алкоголем и едким дымом крепких китайских сигарет. Мы расположились в комнате, генеральный нашел много русских песен. Песня за песней, бутылка за бутылкой, ящик за ящиком. Антон пил много, но совсем не пьянел, генеральный же после первого ящика на генерального совсем уже не походил. Это отличительная черта галантных хорошо воспитанных москвичей: чем сильнее общество давит на них, диктуя нормы поведения, чем сильнее зажимается пружина, тем сильнее потом эта пружина выстреливает, стоит ее только немного ослабить. Он отплясывал, держа в одной руке бутылку, в другой – микрофон, то и дело путая их. «О, Боже какой мужчина...» – заливался генеральный под песню «Подмосковные вечера» в то время, как Антон снимал его на камеру. Я смотрела и не могла поверить, что этот человек утром рассказывал что-то про кубизм. Куда подевалась его образованность, светские манеры, галантность и статность?

Глаза у меня слипались, когда ребятам пришла в голову новая идея: «Спроси, пожалуйста, а девушки могут к нам присоединиться?». Паренек-официант ответил утвер-

дительно, уточнив, что необходимо оплатить время девушек. «Не проблема!» – тут же заголосил Генеральный, открывая кошелек. Вскоре к нам присоединились две стройные, совсем юные с виду китайки. Мне приходилось переводить беседы, уже давно переставшие быть светскими. Я попросила китайского паренька принести кофе, так как глаза закрывались, и даже пение и падения генерального не могли заставить меня не засыпать.

Часам к трем Антон начал уговаривать девушек поехать с ними в отель:

– Переведи им, пожалуйста, что поедem, посмотрим интересный фильм.

– Они зовут вас в отель, но ты же понимаешь, что вам лучше не ехать, – обращаюсь к молоденькой китайке.

– Да не переживай ты, я не первый день родилась. Мы этим не занимаемся. Скажи ему, что мне утром в институт, мама не разрешает мне разъезжать с незнакомыми мужчинами.

– Э, что такое? – возмутился генеральный, мы заплатили!

– Вы платили только за то, чтобы мы тут с вами посидели и попили. Остальное в счет не входит.

– Мы доплатим, не переживайте, девчонки, какие же вы красивые.

– Слушай, – серьезно посмотрел на меня Антон, – уговори их, придумай что-нибудь.

Я спросила девушку, как им тут работается, мы поболтали

об ее непростой жизни, в то время как мои подопечные думали, что я ее уговариваю. «Раньше я работала массажисткой в Шанхае, видишь какие мозоли на руках. Нелегкая работа, столько клиентов, мни их, гни».

– Ну что, она не соглашается?

– Нет, ни в какуюю.

– Уже почти четыре, может, поедем домой? Утром китайцы с нового завода рано приедут за нами.

Не знаю почему, но мне уже не раз приходилось защищать девушек от мужчин. Помню, как на День Рождения Кристины, в баре, где мы праздновали, два представителя западной цивилизации начали приставать к подруге Кри – кореянке Паоле. Одета она была в дерзкую мини-юбку, это вполне допустимо в Корее, где к девушкам относятся уважительно. До сих пор не понимаю, почему, европейцы считают азиаток легкодоступными? В конце концов, все люди разные, и если ты азиатка, совсем не обязательно, что ты работаешь массажисткой на тайском курорте.

В этом и дело, ты молодец, ты сильная, просто не знаешь об этом. Тебе нужно помогать людям.

– Девчонок заберем, и в отель.

Преппирательства не прекращались, вмешаться пришлось главному менеджеру, который перешел к крайним мерам и сказал, что они закрываются, но он даст нам номер те-

лефона, по которому мы сможем найти то, что ищем. Мы с Антоном загрузили генерального в такси. Девушки, накинув белые пушистые, немного потрепанные шубки, вышли нас проводить.

За фразой «пока, лаовай²⁸!» последовал воздушный поцелуй.

Я села рядом с таксистом.

– Куда едем? – спросил он безразличным, уставшим голосом.

– В бордель, – ответила я с таким же безразличием. Таксист немного встрепенулся и глянул на меня уже почти не сонными глазами.

– Хорошо.

Генеральный стал чуть трезвее:

– Слушай, Антон, я не могу, кажется. Может, не надо, а?

– Надо, Федя, надо! Гулять так гулять. Когда еще выберемся из этой Москвы, где ты еще найдешь китайнок?

– Вот в этой бане бордель. Посиди тут, выйду, проверю, открыто ли, – обратился ко мне таксист.

– Ты уж нас извини, нам, конечно, очень стыдно, но мужчины, есть мужчины, – обратился ко мне Антон, пока таксиста не было.

– Да.

Я так устала, что мне было уже все равно, жаль разве что жену генерального и девушку Антона, «котенка», как он на-

---

²⁸ «Иностранец» – немного неуважительно.

зывал ее, когда она звонила.

Вернулся таксист: «Они закрыты, но у меня есть телефон, можно им позвонить. Вам девочек на вывоз или к ним поедете?».

– Вам девочек на вывоз или к ним поедете, – тут же дословно перевела я.

– На вывоз, разумеется, кто знает какие у них там условия. А сколько будет стоить?

– Позвоню, узнаю, – сурово произнес таксист, – ох, детка, ну ты и бедняжка, связалась тоже с ними.

– Я в порядке, спасибо, дядя, они нормальные, когда трезвые, к тому же, один из них мой родственник.

Пока таксист звонил, я достала из сумки телефон. Непрочитанное сообщение от Шэнли! Он тоже думает обо мне. «Привет, мы на реке, запускаем воздушного змея. Ты что делаешь?». «Ах, мой милый, пока ты на реке бегаешь за воздушным змеем, я ищу девочек по вызову по ночному городу». Отвечу Шэнли что-нибудь потом, не отправлять же сообщение в пять утра. Таксист положил трубку и сказал цену за ночь на территории клиента, я умножила цифру в уме на два и сообщила ребятам.

– Так дорого! А еще говорят, в Китае все дешево!

– Так это же на вывоз, – нашлась, я, думая про себя, ну нет, не стану я помогать изменять женам, пусть ищут себе подружек без моей помощи.

– Ладно, поехали в отель, ген наш уже спит.

«Ура! Я молодец», – подумала я про себя. Ребята на заднем сидении захрапели, меня немного подташнивало от запаха перегара, смешавшегося с запахом сухой морковки.

Огни предрассветного города проносились мимо, на встречу уже попадались утренние торговцы, везущие овощи для лепешек, город медленно просыпался. Я почувствовала усталость. Мне стало невероятно жалко себя, Шэнли не сможет защитить меня, не поможет, глупо надеяться на кого-то. Времена, когда женщина была нежным беззащитным цветком, прошли. Не нужно себя жалеть, если таксист еще раз так сочувственно на меня посмотрит, я расплачусь.

Держи себя в руках, все могло быть гораздо хуже, ты просто устала, все наладится.

***

Воспоминания, погребенные под бесчисленными образами новых людей, городов, слов, улиц, снов. Иногда я возвращаюсь к ним, пролетая над пространством всего нового, накопившегося слой за слоем. Как старые разрушенные города сохраняются в своем почти первозданном виде под массами рассыпчатого сухого песка, так и память лежит не тронутая ни упорными археологами, ни азартными искателями древних сокровищ.

Он встречал меня у самого вагона. Увидев его, я сразу за-

метила грусть, она пряталась где-то между бровей, притворившись маленькой черточкой – твердой линией. Он крепко обнял меня, расспросил про мой путь и про работу, но с первых же секунд я почувствовала, что что-то не так. На все вопросы он отвечал, что все в порядке. Хоть физический холод поезда, в котором я приехала из Шанхая, уже отступил, и на небе сияло солнце, страшные ветра душевного холода, закрутили вихри над моей головой. Сердце отчетливо осознавало: что-то не так, но ум никак не мог подобрать этому логичного обоснования.

***

Припарковав велосипеды у входа в подъезд с низкой дверью, мы поднялись по ветхим ступенькам и зашли в квартиру, располагавшуюся на первом этаже. Коридор и комната, заваленные различными вещами, казались совсем крохотными. Из кухни, беззубо улыбаясь, вышла старенькая сгорбленная бабушка, закутанная в многочисленные одежды, словно ребенок. Увидев нас, бабуля заторопилась: «Проходите, проходите». Из-за старушки выпорхнула маленькая девушка, держа в обеих руках две низенькие табуретки. «Вот в эту комнату, пожалуйста», – защebetала внучка.

На каждой стене комнаты, в которую нас так радушно пригласили, висели изображения Девы Марии и большой календарь с Иисусом. Расставив табуретки, мы расселись

небольшим полукругом. Сунь Яннань, самая бойкая девушка с характером пацана-сорванца вела собрание. «Вначале мы помолимся, затем перейдем к чтению», – властно, но вместе с тем игриво приказала Яннань. Она четко и быстро произнесла слова молитвы, так, что наши «аминь» едва поспевали занять свое место в конце предложения. «Теперь по строчке читаем главу из Евангелия от Матфея». Очередь мимолетно дошла до меня, и я, краснея, побежала взглядом по своему предложению, облекая увиденное в слова. «Тон – второй или третий в этом слове?». Мысли сосредоточены далеко не на Боге, а на фонетике китайского языка. «Даю вам две минуты подумать, потом каждый выскажет свое мнение по поводу прочитанного отрывка», – командовала Яннань. Все ушли обратно в книгу, пытаясь разглядеть и прочувствовать смысл всех метафор Иисуса, а может, всего лишь наслаждаясь иносказательностью. Напряженные мыслительные процессы запустились в моей голове: нужно сказать красиво, искренне, правильно, с душой, вначале пара общих фраз, свое осмысление, потом яркий образный пример. Пытаясь вспомнить красивое чэнью²⁹, слышанное недавно в каком-то сериале, я подняла на секунду глаза. Все вокруг сидели, склонив головы над Священной Книгой, и только Шэнли, устроившийся на табуретке напротив, смотрел на меня взглядом, который я раньше никогда не видела. Столько нежности в неожиданном сочетании с тоской! Что

---

²⁹ Фразеологизм.

может быть страшнее безнадежности, бесповоротности, фатальности, когда понимаешь, что ничего изменить уже нельзя, и колесница Судьбы несется вперед, а тем, кто хочет сменить направление или остановить колесницу, придется дорого за это заплатить. Мой вопросительный взгляд вывел Шэнли из его собственных мыслей, он встрепенулся, точно преступник, которого застали врасплох, в это мгновение раздался голос Яннань, показавшийся в тот хрустальный миг громовым: «Переходим к обсуждению». Наш безмолвный диалог тут же закончился, и его глаза не успели ответить на мой вопросительный взгляд.

– Мэй, давай с тебя начнем.

Я быстро собралась с мыслями, вспомнив, о чем думала до молчаливого диалога с Шэнли.

– Мне больше всего нравится, что Иисус объясняет все ученикам с помощью метафор, так, чтобы им было понятно. Человек не всегда сможет принять и понять даже самую настоящую, доказанную, подтвержденную истину. «Какой мерою мерит, такую и вам будут мерить». Иисус просит учеников не осуждать, не критиковать, не тратить свои силы на такое бесполезное занятие, ведь не так легко понять, почему человек поступил так или иначе, что мы знаем о других, когда даже сами себя подчас понять не в силах.

До Шэнли очередь не дошла, все заторопились на ужин, и скоро мы разошлись. Мне хотелось поговорить с Шэнли наедине, но его знакомая отправилась ужинать с нами, и мы

беззаботно проболтали о какой-то ерунде, склонившись над парящей жаром длинной, как Великая китайская стена, лапшой.

Следующие несколько дней мы с Шэнли не виделись. Он готовился к экзаменам и занимался репетиторством со школьниками, решившими поступить на факультет каллиграфии в следующем году. В глубине души я боялась, что это все отговорки, он просто не хочет меня видеть по неизвестным для меня причинам. Но по всем просмотренным сериалам, по опыту подружек, по словам красавицы-бабушки я знала, что «вешаться на шею и выпрашивать для себя времени и внимания – то же самое, что перетягивать одеяло на себя, а это для уважающей себя девушки непростительно. Одеялом должны покрыть тебя и еще подоткнуть его, чтобы холодный воздух не проникал внутрь». Я не знала, как правильно себя вести и что делать.

Зима пришла не только ко мне в сердце, но и в мир. Все стало холодное и ясное – и небо, и листва, и магазины, и фонари, и дорога. Лил дождь, падал снег и задувал ветер, но моя избалованная душа рвалась на улицу, я не могла не разрешить ей. Я написала Шэнли, что собираюсь бегать на западном стадионе и буду рада, если он придет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.